

ТОМ ВТОРОЙ

ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Маршал Фош не успел написать все свои воспоминания о войне. Он ограничился рассказом о событиях, в которых он принимал участие в 1914 и 1918 гг. События 1914 г. вошли в том I его «Воспоминаний»; настоящий том II содержит описание событий 1918 г. В обоих томах охвачены важнейшие факты, рисующие роль маршала во время войны, — именно те факты, относительно которых его суждения представляют особую ценность. Однако бесполезно обрисовать события, в которых маршал участвовал в 1915, 1916 и 1917 гг. Их изложение показывает, какие почти непрерывно восходящие ступени привели его к верховному командованию союзными армиями, каким образом он готовился к тому, чтобы взять на себя это тяжелое бремя.

1. Командование Северными армиями

(5 января 1915 г. — 27 декабря 1916 г.)

5 января 1915 г. ген. Фош назначается командующим Северной группой армий (Северным фронтом); в действительности приказ об этом назначении только подтвердил фактическое положение дел, реально существовавшее уже три месяца.

Подготовка наступления в Артуа. Первой задачей, возложенной на Северную группу армий, является подготовка наступления весной 1915 г.

Местом для наступления был выбран гребень Вими, к северу от Арраса. «Ввиду его командования над обширным районом, — пишет ген. Фош 24 марта 1915 г., — а также ввиду удобопроезжимости местности, над которой он господствует, и невозможности для противника создать на нем новые оборонительные сооружения, захват этого гребня будет несомненно иметь большие результаты и создаст прорыв фронта противника».

Подготовка ведется чрезвычайно деятельно, и уже к середине апреля передвижения войск и подвоз материальной части и имущества к Аррасу почти закончены, когда во Фландрии вспыхивает новая тревога.

Первое германское химическое нападение. 22 апреля 1915 г., в 17 ч. 30 м., после спокойного дня немцы внезапно выпускают по северной части Ипрского выступа очень густое облако удушливого газа, действие которого сказалось на несколько километров в тыл.

Захваченные врасплох и полузадушенные французские территориальные части и алжирские стрелки в беспорядке устремляются в тыл; часть нашей артиллерии попадает в руки противника. Левый фланг англичан (Канадская дивизия), также атакованный, отходит на Сен-Жюльен. Дорога на Ипр открыта.

Пользуясь общей растерянностью, противник продвигается, не встречая сопротивления; он подходит к городу Ипр; немногочисленные частные резервы, брошенные навстречу, вряд ли могли бы задержать его продвижение. По счастью, к наступлению темноты он сам останавливается, продвинувшись на 4—5 км. Удобный случай им упущен,— и в этом наше спасение.

Ген. Фош, осведомленный о происходящем кратким донесением, тотчас же проявляет решимость и кипучую энергию.

Чтобы получить точные сведения, он ночью посылает офицера своего штаба в район, где было произведено внезапное нападение. Он вызывает подкрепления из Ньёпора и поднимает по тревоге некоторые из многочисленных частей, собранных вокруг Арраса.

В 4 ч. 30 м. его делегат связи доносит, что противник переправился в нескольких пунктах через Изер, что на нашем фронте образовался разрыв шириной в 4 км и что на этом протяжении дорога на Ипр совершенно открыта.

Эта опасность требует принятия немедленных мер. Надо прежде всего задержать противника, а для этого восстановить непрерывность нашего фронта, затем посредством контратак выбить противника с захваченных им позиций. Этот план был указан в ту же ночь ген. Фошем командующему французскими войсками в Бельгии ген. Пюцу. В первые часы 23 апреля он дополняет этот план посылкой из Арраса пехотной дивизии и просьбой к фельд-маршалу Френчу усилить английские войска в районе Ипра. Благодаря этим мерам и распоряжениям, отданным на месте ген. Пюцем, и помощи бельгийских и английских союзников утром 23 апреля брешь, пробитая немцами, была закрыта; Ипр был снова спасен.

Тем не менее тактические результаты, достигнутые немцами, представляются довольно значительными. Англичане, слишком выдвинутые вперед, вынуждены очистить часть Ипрского выступа.

Атаки в Артуа (май, июнь, сентябрь 1915 г.). Наступление в Артуа, первоначально назначенное на 7 мая, было ввиду неблагоприятной погоды перенесено на 9-е.

После артиллерийской подготовки тяжелой артиллерией в течение шести дней и легкой в течение двух дней 10-я армия, под командой ген. д'Юрбала, была брошена 9 мая в 10 час. против гребня Вими.

В центре она сразу же добилась большого успеха. Меньше чем за час времени позиции противника были захвачены на фронте в 6 км и в глубину на 3—4 км. Нам досталось более 6000 пленных, 200 орудий, сотня станковых пулеметов; самая высокая часть гребня, высота 140, захвачена и перейдена. Немцы не выпускают больше ни одного снаряда; создается впечатление, что достигнут прорыв. К несчастью, наши резервы, оставшиеся слишком далеко в тылу, не могут ни закрепить успех, ни во-время расширить прорыв. Очень незаначительный выигрыш пространства на обоих флангах этого быстрого наступления также ограничивает его развитие. В руках противника остаются такие важные пункты, как дер. Каранси слева и Невиль-Сен-Вааст справа. На плато Лорет и далее, по направлению к Понт-а-Вандэн, наше продвижение ничтожно или равно нулю. Со своей стороны англичане терпят почти полную неудачу к северу от Ля-Бассэ.

Используя сопротивление, оказанное нам во всех этих пунктах, противник сосредоточивает против высоты 140 все силы, какие он только может собрать. Наши войска, окончательно выдохшиеся и не получившие поддержки, сброшены с гребня; фронт противника восстанавливается.

11-го новая атака с нашей стороны терпит неудачу под фланкирующим огнем из дер. Каранси, Сушэ и Невиль-Сен-Вааст; прежде чем снова приступить к захвату гребня, надо покончить с этими крупными центрами сопротивления.

Посредством тщательно подготовленных атак нам удастся овладеть 12 мая Каранси, 13-го — Аблен-Сен-Назер и 9 июня — Невиль-Сен-Вааст. Не удастся захватить только Сушэ; решено включить захват этого селения в план нового общего наступления, назначенного на 12 ч. 15 м. 15 июня.

В этот день, как и 9 мая, нам удастся бросить несколько подразделений на вершину гребня, но, изолированные в узком клине и подвергаемые сосредоточенному огню и контратакам против-

ника, они не могут долго продержаться. 21-го они отброшены назад. На всем фронте германские артиллерия и пехота предпринимают очень энергичные встречные действия. За исключением плато Лорет, наш выигрыш пространства совершенно незначителен. 24-го ген. Фош, по распоряжению главнокомандующего, прекращает общую операцию.

В это время главнокомандующий намечает другую операцию, в которой атаки в Артуа должны сочетаться с большим наступлением, предпринятым в Шампани. В июле, августе и в первые три недели сентября проводится перегруппировка французских сил. В это время части отводят на отдых, а оборонительные сооружения совершенствуют; возобновляют боевую подготовку войск, увеличивают их боевые средства.

В течение этого же периода времени ген. Фош формулирует выводы, к которым его привели последние наступательные операции. Эти выводы изложены в записке, поданной 19 июля главнокомандующему, в которой можно прочесть, между прочим, следующее:

«...При существующей обстановке, ввиду того, что противник устроился прочно и надолго, представляется разумным не возлагать все наши надежды на возможность прорыва и не рисковать всеми нашими наличными силами ради идеи решительного и победоносного прорыва, а включить в наш план захват некоторых важных пунктов на местности, соответствующим образом разработав этот план; указать для каждой из наших атак определенную цель, объект, захват которого может принести пользу в будущем... В прежнее время захват такого объекта был необходимым и достаточным условием успеха. Ныне это условие остается необходимым, и если оно не даст полного успеха, то во всяком случае приблизит нас к нему. При всякой другой комбинации мы рискуем, затратив очень большие усилия, остаться с пустыми руками...

Наступление, предпринятое в пространство, без точного и определенного объекта, не может привести к результату, в особенности же к прорыву, если только не будет обеспечен эффект внезапности.

Размеры результатов, которые может дать наступление, зависят от степени важности намеченного объекта по отношению к положению противника или в его оборонительной системе.

Обеспечить в первую очередь захват этого объекта с боя главным ударом, облегчить этот захват вспомогательными действиями — вот каковы должны быть принципы распределения сил на различных участках наступления».

По мнению ген. Фоша, главным объектом должен оставаться гребень Вими и целью главного удара — его захват, так как этим

будет нанесен глубокий урон обороне противника. Атаками, вроде тех, которые готовятся в Шампани, пренебрегать не следует, но они должны рассматриваться лишь как второстепенные, вспомогательные по отношению к наступлению в Артуа.

В этом он расходится с мнением штаба главнокомандующего, который продолжает верить в возможность прорыва, тогда как сам Фош уже перестал верить. Главное командование возлагает теперь все свои надежды на наступление в Шампани, ожидая от него широкого и решающего прорыва неприятельского фронта. Поэтому главнокомандующий назначает для наступления в Шампани большую часть французских сил.

25 сентября начинается наступление одновременно в Шампани и в Артуа.

В Артуа фронт 10-й армии увеличивается вдвое: с одной стороны, к югу от Арраса, где она выставляет новый армейский корпус, а с другой — между плато Лорет и каналом Ля-Бассе, где английская 1-я армия вводит в дело 13 дивизий, поддержанных 800 орудиями.

Начав наступление в 6 ч. 30 м. после мощной газобаллонной атаки, англичане быстро продвигаются вперед, захватывают Лоос и Гюллюш и забирают 1400 пленных и шесть орудий.

В 12 ч. 25 м. 10-я армия в свою очередь предпринимает атаку гребня Вими. Успехи неравномерны: на правом фланге — неудача, в центре — небольшое продвижение, на левом фланге — несомненное продвижение.

Противник сосредоточивает свои усилия против грозного наступления англичан; он берет обратно Гюллюш и ведет ожесточенную борьбу впереди Лооса, не достигая на этом направлении сколько-нибудь значительных результатов. Он предпринимает также целый ряд контратак в районе Сушэ, стараясь спасти эту деревню, на которую насаждают французские войска; но, отброшенный повсюду, он вынужден очистить ее утром 26-го.

Несмотря на эти результаты и успех, достигнутый в Шампани в первый день наступления, главнокомандующий решает сократить размах операции в Артуа; он строго ограничивает расход огнеприпасов на этом участке. Тогда ген. Фош принимает решение сосредоточить усилия 10-й армии в том районе, где они увенчались успехом, т. е. в направлении на Живанши. Кроме того, чтобы помочь фельдмаршалу Френчу, резервы которого быстро тают вследствие бешеного сопротивления противника, он решает перебросить к Лоосу французский корпус, действовавший без успеха к югу от Арраса.

28 сентября, после полудня, одна из французских дивизий поднимается по скатам высоты 140 и выдвигается на самый ее гребень; такого успеха французы еще не имели после 9 мая, и ген. Фошу хотелось бы немедленно использовать его. На следующее утро он едет к фельдмаршалу Френчу и получает его согласие на совместную операцию британских и французских войск, которая должна быть предпринята 2 октября на фронте Понт-а-Вандэн, Живанши.

Но вследствие целого ряда задержек намеченная совместная операция со дня на день откладывается. В конце концов провести ее не удастся, так как в середине октября союзные правительства, чтобы оказать помощь сербской армии на Балканах, решают отправить в Салоники экспедиционный корпус из войск, снятых с Западного фронта. Участие в формировании этого корпуса вынуждает как фельдмаршала Френча, так и ген. Жоффра прекратить атаки в Артуа.

* * *

Уроки наших наступлений в Артуа в 1915 г. Наступления, предпринятые в 1915 г. как в Артуа, так и в Шампани, показали недостаточность наших наступательных средств, в особенности же тяжелой артиллерии. 10 ноября того же года ген. Фош представляет главнокомандующему докладную записку со своими замечаниями, в которой можно прочесть следующее:

«...Каково бы ни было направление, выбранное для наступления, важнее всего обеспечить наступление всеми средствами, необходимыми для его успеха. Кампания 1915 г. осталась безрезультатной из-за недостатка огнеприпасов для тяжелой артиллерии. Наступления не могли быть достаточным образом подготовлены тяжелой артиллерией.

Необходимо развивать траншейную артиллерию, сделать ее подвижной, обучить ее личный состав.

Наши зажигательные и химические снаряды дают лишь слабые результаты. В наших приборах газопуска применяются вещества ненадежного действия. До сих пор наши химические лаборатории производили очень мало...

Наряду с газами потребуются снаряды, начиненные веществами удушливого и зажигательного действия. Постараемся затратить не более нескольких месяцев, чтобы покончить с этими, частью уже разрешенными, задачами.

При атаках мы должны прежде всего экономить нашу пехоту для сохранения ее боеспособности на время неизбежно затягивающегося сражения в районах, укрепленных на большую глубину.

После артиллерии призовем на помощь химию. Не будем затрачивать целый год на постановку производства химических веществ».

Ген. Фош окончательно осуждает идею прорыва и заменяет ее идеей последовательных усилий, прилагаемых на широком фронте, расстраивающих и приводящих к распаду оборонительную систему противника.

«...Последовательный ряд препятствий, встречаемых наступлением на своем пути, неизбежно приведет к последовательному ряду атак. Наступление должно последовательно развиваться в течение некоторого времени. Итак, вместо непродолжительного мощного и быстрого действия мы должны предусматривать целый ряд ударов, следующих как можно быстрее один за другим...

Мы должны отказаться от грубо прямолинейной атаки более или менее глубокими и густыми массами, с резервами, следующими по пятам за первым эшелонам, и с задачей одним броском захватить несколько рядов препятствий и даже добиться прорыва. Такая атака еще ни разу не удавалась...

Если подготовка недостаточна, атака пехоты не имеет успеха или останавливается...

Мы можем бросать пехоту только на такие объекты, атака которых наверняка подготовлена...

6 декабря он снова пишет:

«Сила наступления основывается на все возрастающем разрушительном могуществе (артиллерия, газы), используемом на каждом рубеже в интересах атакующих войск и способном как можно быстрее возобновляться на каждом последовательном рубеже.

Характерными особенностями наступления станут разрушение и повторение; первое — желательно и потому должно всячески усиливаться; второе — вынужденно и потому подлежит ограничению.

Во всяком случае теперь уже нельзя избежать операции, рассчитанной на продолжительное время, но она грозит исчерпать наши людские ресурсы. Провести ее до конца, а тем более сократить ее длительность, можно будет только путем дальнейшего развития нашей материальной (технической) разрушительной мощи, которая только и может позволить сберечь нашу пехоту...

Мы должны готовиться к наступлению, могущему развиваться в пространстве на большую глубину, а во времени — в течение еще неизвестного нам срока...

Наконец, 21 января он писал:

«...В итоге мы имеем последовательный ряд боевых действий, из которых каждое требует большого количества артиллерии и

небольшого количества пехоты. Эта будущая форма борьбы открывает перед нами возможность крупных повторных наступлений, если только мы будем располагать большим количеством орудий и большими запасами огнеприпасов...»

* * *

Подготовка франко-британского наступления между Аррасом и р. Уазой в 1916 г. Все возрастающая численность британских сил, которые в начале 1916 г. образуют три армии, развернутые от района Ипра до Соммы, позволяет ген. Жоффру наметить на 1916 г. союзное наступление на фронте еще небывалого протяжения.

Он предполагает атаковать около 1 июля весь фронт от Арраса до долины р. Уазы английскими силами к северу от Соммы, французскими — к югу от нее. Основы этого наступления устанавливаются на междусоюзнической конференции, созванной 14 февраля в Шантийи.

На французском фронте проведение наступления должно быть возложено на Северную группу армий, которая будет располагать 14 корпусами, сведенными в три армии (2, 3 и 6-ю).

16 марта ген. Фош представляет в ставку главнокомандующего общий план операций этих сил и дает директивы для технической подготовки наступления. Затем, на основании указаний главнокомандующего, он составляет для войск записку о «наступательном сражении», в которой сформулированы основные правила всякого наступления на укрепленные позиции. При подготовке главная роль выпадает на долю артиллерии. «Артиллерийская подготовка является мерилом возможностей пехоты... Глубина пространства, поражаемого артиллерией, определяет пространство, которое может быть назначено для захвата пехотой». При проведении операции необходимо предусматривать ряд последовательных ударов. Захват неприятельских позиций, оборудованных и эшелонированных в глубину, является «длительной операцией». Она должна вестись методически и продолжаться до тех пор, пока обороноспособность противника не будет сломлена в результате моральной, материальной и физической дезорганизации без истощения нашей наступательной способности». Последовательные боевые действия должны предприниматься на широких фронтах, которые одни допускают развертывание большого количества артиллерии.

Ген. Фош заканчивает следующими словами:

«Когда противник, исчерпав свои резервы, перестанет оказывать нам сопротивление на непрерывных, хорошо оборудованных обо-

ронительных линиях, только тогда можно будет отказаться от методического образа действий..., который один позволяет разрушать укрепленные фронты, только тогда можно продолжать операцию, сочетая бой с маневром, ставшим, наконец, возможным на свободной от препятствий местности...»

13 апреля 1916 г. в письме к главнокомандующему он снова рисует характер сражения и условия, которых оно требует. Сражение будет затяжным. Поддерживающие его артиллерийские массы должны быть в изобилии обеспечены огнеприпасами, без чего нельзя надеяться на какой бы то ни было успех на Западном фронте.

В то время как разрабатывается таким образом план наступления на Сомме, в районе Вердена развертываются важные события, которые заставляют главнокомандующего изменить свои первоначальные планы.

26 апреля он сообщает ген. Фошу, что количество сил и средств, которые он сможет предоставить в его распоряжение, «временно сокращается ввиду расхода этих сил вокруг Вердена». Северная группа армий может теперь рассчитывать только на 9 корпусов вместо 14, на 30 дивизий вместо 39. Фронт ее наступления ограничивается примерно 30 км. «...Мы уже далеки, — пишет ген. Фош, — от широкого, мощного наступления, могущего развиваться в течение продолжительного времени и направленного на достижимую цель; между тем это — единственные условия, позволяющие привести наступление к стратегически значительным результатам и избежать бессилия. После нескольких тактических успехов в начале нашей операции мы должны вскоре предвидеть остановку, т. е. потери и жертвы без ощутительной пользы».

Месяц спустя, 20 мая, — новое сокращение. Для первых атак можно уже рассчитывать лишь на 7 корпусов с общим составом самое большее в 26 дивизий.

При таких условиях французское наступление, ограниченное фронтом между Марикуром и шоссе Амьен, Перонн, возлагается только на одну армию — 6-ю, действующую по обе стороны Соммы. Она может претендовать только на роль, сводящуюся к обеспечению с юга и поддержке наступления, возложенного теперь преимущественно на британские армии. Однако, чтобы обеспечить себе возможность будущих действий, ген. Фош решает продолжать начатую подготовку на всем фронте.

3 июня назначенные для наступления корпуса 6-й армии уже расположены в своих полосах. Установка орудий тяжелой артиллерии заканчивается к 15 июня.

1 июля начинается французо-британское наступление.

* * *

Наступление на Сомме (1 июля—15 ноября 1916 г.). Укрепленная полоса, которую атакуют 17 союзных дивизий, состоит из двух главных позиций, эшелонированных в глубину на 4—5 км. В некоторых районах имеется еще и промежуточная позиция.

В первый же день французская 6-я армия и британские правофланговая группа и центр овладевают на значительном протяжении германской первой позицией и даже во многих пунктах выдвигаются за указанные им рубежи. Только левофланговая группа наступающих британских войск, наткнувшись на очень сильные опорные пункты, почти не продвигается вперед.

В следующие дни продвижение продолжается. В частности, к югу от Соммы оно не встречает никакого сопротивления со стороны противника; на этом направлении продвижение ограничивается лишь в силу необходимости не выходить из общих рамок всей операции. Главный удар наносится к северу от Соммы совместно с британскими силами, действия же к югу от реки должны прежде всего обеспечивать и поддерживать главный удар. Назначенные для этого силы и намеченные рубежи были рассчитаны, исходя из намеченной задачи с учетом обстановки.

Главное наступление к северу от Соммы развивается довольно медленно вследствие усилившегося сопротивления и ожесточенных контратак противника.

Тем не менее между 2 и 20 июля атакующим французско-английским войскам удается продвинуться в районе, простирающемся от долины Соммы до большой дороги Амьен, Бапом; они овладевают всеми промежуточными позициями, устроенными в этом районе, и подходят на дистанцию атаки ко второй позиции противника. За 14, 15 и 16 июля британскому центру удается даже захватить эту позицию на фронте в 6 км.

К несчастью, после успехов, достигнутых в июле, темп операций замедлился самым нежелательным образом. Рассчитывая в значительной степени усилить свою артиллерию, увеличить запасы огнеприпасов и ввести в дело новые дивизии, прибывающие из Англии, и новое наступательное средство — танки, британское командование ограничивается в течение августа захватом нескольких отдельных пунктов, причем оно достигает лишь самых незначительных результатов или терпит неудачу. Французское командование тщетно настаивает перед британским на необходимости без промедления возобновить атаки на широком фронте. Хейг, выражая свое принципиальное согласие на это, ставит условием для

возобновления крупных операций предварительное достижение частных результатов. Это решение вызывает топтание на месте французской армии, основной задачей которой является оказание поддержки британским армиям. Тем не менее наша 6-я армия захватывает германскую вторую позицию между Морепа и Соммой (12—24 августа). В это же время справа от 6-й армии французская 10-я армия готовится расширить к югу от Соммы фронт франко-британского наступления и начать боевые действия в первых числах сентября.

3 сентября атаки союзников возобновляются в таком масштабе и с такой согласованностью, каких они не знали в течение всего августа. Это сказывается на достигнутых результатах. Левофланговая группа британских войск, впервые применив танки, захватывает такие крупные опорные пункты, как ТиEMON, Женши, Флер, Морваль, Тьепваль. Французская 6-я армия рядом ударов в центре выдвигается до дороги Бапом, Перонн, на которую она выходит в Бушавене и Ранкуре. Противник пытается освободиться мощной контратакой, предпринятой им 20 сентября против Бушавен. Он терпит неудачу, а шесть дней спустя оказывается вынужденным очистить важный центр Конбль (Combles).

К югу от Соммы 10-я армия овладевает деревнями, оборонительные сооружения которых германцы непрерывно совершенствовали в течение двух лет: Шильи, Суайекур, Деньекур, Вермандовиллер. К сожалению, недостаток наступательных средств ограничивает развитие ее усилий. Так как продолжают сказываться последствия сражения под Верденом, французское командование еще не в состоянии одновременно питать два фронта наступления — к северу и югу от Соммы. Все свободные силы и средства предназначаются для 6-й армии, поддерживающей английские силы к северу от реки.

Как бы то ни было, сентябрь отмечен несомненными успехами. В течение этого месяца франко-британские силы захватили на фронте в 30 км три последовательные позиции противника, продвинулись больше чем на 6 км, взяли много пленных и значительное количество трофеев.

Для достижения этого результата ген. Фошу пришлось усилить двумя свежими корпусами три французских армейских корпуса, действовавшие к северу от Соммы.

Наличие на этом направлении пяти корпусов рядом на узком пространстве приводит к скучиванию войск. Передвижение и снабжение их происходят с величайшими затруднениями под огнем многочисленной и бдительной германской артиллерии. Становится

необходимым разгрузить этот район и уменьшить в нем число действующих соединений. В связи с боевыми действиями, принятыми на стыке французских и английских армий, это сокращение может касаться только правого фланга 6-й армии. Поэтому ген. Фош решает временно отказаться от всяких наступательных действий в центре, между Бушавеном и шоссе Амьен, Перонн, и продолжать атаки левым и правым флангами в соответствующей последовательности и в надлежащем масштабе.

На левом фланге усилия британских армий и французской 6-й армии должны развиваться в направлении на Бапом, Бертенкур. На правом фланге французская 10-я армия, используя преимущество, которое дает ей начертание ее фронта, образующего угол, должна продолжать свои атаки в южном направлении.

Эта двойная операция развивается в течение октября.

7 октября к северу от Соммы предпринимается комбинированное франко-британское наступление на фронте примерно в 20 км; оно дает некоторые результаты, но войскам не удается достигнуть указанных им рубежей. Оборонительные средства противника значительно усилились; пулеметные гнезда, зачастую расположенные в трудно обнаруживаемых местах, например, в воронках от снарядов, останавливают атакующие войска и вынуждают их вести разрозненные бои, замедляющие ход общей согласованной операции, единственно могущей дать результаты. Эти тактические затруднения вскоре усугубляются неблагоприятными атмосферными условиями. Дожди, начавшиеся во второй половине октября, вскоре делают непроходимой местность, уже изрытую снарядами и окопными работами; они влекут за собой всяческие затруднения и увеличивают утомление войск. В частности, 30 октября сильнейшая буря разрушает сооружения и временно лишает нас возможности использовать запасы и боевые средства.

Несмотря на эту неустойчивую обстановку, нашей 6-й армии удается 18 октября овладеть местечком Сайи-Сайизель, между тем как 10-я армия ощутительно расширяет свои позиции в направлении на Пресуар и Абленкур.

Французское главное командование поддерживает моральное состояние и поощряет рвение войск. Оно желает во что бы то ни стало добиться осуществления своего наступательного плана и подготавливает на первые числа ноября общее наступление 10-й и 6-й армий между Шон (Chaulnes) и Сайи-Сайизель.

5 ноября 6-я армия и правифланговая группа британских армий атакуют, но не добиваются значительных успехов.

Зато 7-го 10-я армия захватывает все указанные ей объекты:

Пресуар, Абленкур, Женермон; она оказывается в удобном расположении для подготовки более важной операции, которая, согласно директивам ген. Фоша, должна вывести ее на железную дорогу Мазанкур, Аплленкур (Harplincour) и на Сомму выше Петронна.

К сожалению, после нескольких сухих холодных дней снова начинаются сильные дожди, разрушающие пути сообщения и окопы; наступление становится невозможным, и командование решает перенести начало намеченного наступления на декабрь.

13 и 14 ноября 5-я британская армия одерживает еще один блестящий успех по обе стороны долины р. Анкр, но в сущности этот успех знаменует собою конец сражения.

Французский главнокомандующий составил свой план операций на 1917 г.; он докладывает его 15 ноября на междоусюзническом совещании, созванном в Шантийи.

Северная группа армий в составе четырех армий должна будет наступать между Соммой и Уазой. В то же время британские армии предпримут общую операцию между Бапомом и Вими (к северу от Арраса). Подготовка к наступлению должна быть закончена к 1 февраля.

Чтобы сделать возможной перегруппировку сил, принимается решение, в силу которого британские войска должны к 1 декабря сменить французам до окрестностей Бушавена.

16 декабря в командование французскими армиями вступает ген. Нивель, который принимает новый план действий на 1917 г.

Северная группа армий должна принять в них участие уже не под командой ген. Фоша. Последний, смещенный с должности, сдает в полдень 27 декабря 1916 г. командование Северными армиями и уезжает в Санлис.

2. Опала

(27 декабря 1916 г. — 17 мая 1917 г.)

Результаты, достигнутые в сражении на Сомме, были далеко не ничтожными. Число пленных и количество трофеев, захваченных у немцев, число квадратных километров территории, отбитой у них, намного превышали все успехи, достигнутые до сих пор. Разочарование противника своей неудачей под Верденом усугублялось беспокойством, возбуждаемым той материальной мощью, которую развернули союзники и которая в будущем могла только еще вырасти. Это беспокойство уже несколько раз высказывалось

в сводках германского штаба во время сражения; смена Фалькенгайна Гинденбургом и Людендорфом в верховном командовании также свидетельствовала об этом беспокойстве. За этим свидетельством последовали другие, как предложения мира в конце 1916 г. и отход на позицию (линию) Гинденбурга весной 1917 г.

Однако достигнутые результаты были сочтены недостаточными. Полагая, что введенная в дело материальная часть не грешила ни количеством ни качеством, французские правители придрались к примененным тактическим приемам и к людям, рекомендовавшим их. Потребовались жертвы,—и ген. Фош оказался одной из этих жертв. Не посчитались с предостережением, полученным от него в то время, когда ввиду событий под Верденом фронт наступления на Сомме пришлось сократить настолько, что решающий успех стал невозможным. Заявили, что методы ведения войны, применяемые Фошем, изжили себя, что они устарели. Им противопоставили удачные контрнаступления, проведенные в октябре 1916 г. перед Верденом, не учитывая того, что их успехом мы были обязаны главным образом тому обстоятельству, что резервы противника находились на поле сражения на Сомме и были скованы там.

Таким образом, главное командование французскими северными армиями перешло в другие руки.

* * *

Санлис—Миркур. Так как новый главнокомандующий, ген. Нивель, предложил ген. Фошу оставаться в районе действующей армии, последний с небольшой группой офицеров устроился в Санлисе.

Он получил задание разработать план возможных операций на случай нарушения немцами нейтралитета Швейцарии. 12 января 1917 г. этот план был представлен главнокомандующему и одобрен им.

Десять дней спустя ген. Фош был послан в Миркур, чтобы временно принять командование 7-й и 8-й армиями в отсутствии их командующего, ген. де-Кастельно, находившегося в то время в России; Фош пробыл в Миркуре до 30 марта. Во время своего двухмесячного пребывания в Вогезах он развивает большую деятельность по организации прочной обороны обеих вверенных ему армий и по доработке некоторых планов наступления, подготовка которых была предписана главным командованием.

Параллельно этому он по мере возможности продолжает практическую подготовку операций в Швейцарии. Начальник его

штаба, ген. Вейган, командирится в Берн для установления контакта со швейцарским генеральным штабом.

Через несколько дней сам Фош получает распоряжение отправиться в Италию. 8 апреля 1917 г. он встречается в Виченце с ген. Кадорна и рассматривает с ним условия, при которых британские и французские войсковые соединения могли бы активно выступить в Италии в случае угрожающего наступления противника. Перевозка, сосредоточение и способ применения этих соединений явились предметом тщательного изучения, значение и пользу которого доказали события, происшедшие на итальянском фронте шесть месяцев спустя.

15 апреля ген. Фош снова в Санлисе, почти на отдыхе. Внутренне он страдает от этого вынужденного бездействия, но этот период отдыха нельзя назвать потерянным, так как он позволяет ему задуматься над уроками и проблемами войны и, таким образом, подготовиться к ожидающей его все более и более трудной работе.

3. Фош—начальник генерального штаба

15 мая 1917 г. военный министр Пенлеве приглашает ген. Фоша на должность начальника генерального штаба.

Сделавшись техническим советником французского правительства, ген. Фош в то же время становится членом совета союзных правительств. Поле его деятельности охватывает как Западный, так и Восточный фронты.

При вступлении Фоша в должность дела Антанты находились в критическом положении. На Западном фронте только что потерпели крушение надежды, возлагавшиеся на план кампании 1917 г. Французская армия, разочарованная бесплодностью своих усилий, находится накануне очень серьезного морального кризиса, который на некоторое время должен обречь ее на оборонительный образ действий; лишенные ее поддержки англичане уже не могут рассчитывать на решающие результаты своих наступательных действий. На востоке русская армия, охваченная революционной пропагандой, еще держится в окопах, но, повидимому, решила вести себя пассивно; Румыния оправляется после испытаний, пережитых ею осенью предыдущего года; Греции, примкнувшей к нам после отречения Константина, предстоит заново создавать свою армию. Правда, Америка предоставляет Антанте значительные ресурсы живой силы и материальной части, но они могут быть введены в дело не раньше весны 1918 г.

Во вражеском лагере хотя Австрия и Турция проявляют признаки утомления, зато Германия вновь приобретает свободу дей-

ствий, которой она постепенно лишилась в 1916 г. Ее армия, частично освободившаяся на Восточном фронте, может сосредоточить крупные силы на западе и получить там численный перевес, которого она еще не могла добиться с самого начала войны.

* * *

План операций на вторую половину 1917 г. 8 июня 1917 г. ген. Фош встречается в Абвиле с начальником британского имперского генерального штаба ген. Робертсоном, чтобы договориться с ним относительно образа действий во второй половине 1917 г. Ввиду несостоятельности России, ее влияния на Западном театре и времени, необходимого для прибытия на фронт американской армии, оба генерала приходят к заключению, что операции во Франции придется ограничить действиями на измор вплоть до того времени, когда помощь Америки восстановит наше численное превосходство и позволит нам снова добиваться решающих результатов.

Тем временем итальянская армия, усиленная доставленными Францией и Англией тяжелыми орудиями и огнеприпасами и поддержанная одновременной операцией русских, атакует действующие против нее австрийские силы с целью их окончательного разгрома. Таким образом, можно надеяться при содействии дипломатии оторвать Австрию от ее могучей союзницы.

Но вскоре становится очевидным, что никакой русской операции не последует и что можно даже в ближайшее время ожидать полного отпадения России. Фош составляет по этому поводу записку, которую передает представителям союзных правительств, собравшимся в Париже 26 июля 1917 г.; вот его выводы:

«...В случае отпадения России... союзники все же были бы в состоянии собрать необходимые силы, чтобы оказать сопротивление натиску противника до того времени, когда Америка сможет выставить на фронт достаточное количество войск для восстановления положения.

Но эта относительно благоприятная военная обстановка может быть создана лишь путем проведения следующих мероприятий:

а) ограничиться обороной на второстепенных фронтах и сократить численность сил на них до минимума, необходимого для обороны;

б) ускорить в максимальной степени подготовку американской армии и ее перевозку;

в) подготовить тоннаж, необходимый для перевозки войск, снимаемых со второстепенных фронтов;

г) осуществить единство действий на Западном фронте посредством создания постоянного междусоюзнического военного органа, который должен разрабатывать или подготавливать быструю переброску войск с одного театра на другой...»

Эти выводы, основательность которых события должны были подтвердить несколько месяцев спустя, принимаются собранием не очень благосклонно. В частности, Ллойд-Джордж заявляет, что отпадение России маловероятно, что военным нехватает воображения и что надо, главным образом, стараться «улучшить обстановку в нашу пользу, оторвав от Германии одного из ее союзников».

Собравшись снова 7 августа в Лондоне, главы союзных правительств предлагают начальникам своих генеральных штабов провести подготовку сильного наступления в Италии в начале 1918 г. Ген. Фош договаривается с ген. Робертсоном и Кадорна относительно отправки в Италию 10 дивизий и 400 тяжелых орудий, предоставляемых наполовину Англией и наполовину Францией.

* * *

Отпадение России. Тем временем, подготавливая будущую помощь Италии, союзные правительства пытаются поддержать военную мощь России. Революция 7 ноября знаменует отпадение России и ее волю положить конец войне. 21 ноября Ленин предписывает главнокомандующему русскими армиями договориться о перемирии и начать с противником переговоры о заключении мира. Французское правительство заявляет протест. Ген. Фош телеграфирует начальнику французской военной миссии при русской армии ген. Ниссель, что Франция полагается на патриотизм русского главного командования и надеется, что оно откажется от переговоров с немцами и удержит русскую армию на фронте против их общего врага. Нашему представителю при румынском штабе ген. Бертело он приказывает передать румынскому командованию, что французское правительство вполне оценивает серьезность положения, которое создалось бы для Румынии в результате полного выхода России из войны, но не может допустить роспуска румынской армии. Если события заставят эвакуировать территорию Румынии, борьбу надо будет продолжать в Бессарабии и Донецкой области.

Таким образом, опираясь на русское главное командование и на Румынию, Париж пытается прежде всего помешать проведению политики Петрограда. Но смещение главнокомандующего русской армией лишает Антанту поддержки, на которую она рассчитывала.

В это время в южной России начинает образовываться очаг сопротивления советской власти; в согласии с французским правительством ген. Фош решает поддержать этот очаг и способствовать ему в его деятельности. В течение декабря 1917 г. и января 1918 г. его усилия сосредоточиваются на организации этих антибольшевистских ячеек и на формировании польских, чехословацких и украинских дивизий. Ген. Бертело действует в этом направлении в южной России, ген. Ниссель — в центральной и северной.

Так, не будучи в состоянии, несмотря на все свои усилия, помешать заключению мира между Россией и Германией, ген. Фош рекомендует всеми средствами препятствовать использованию этого мира Германией.

Поэтому он входит к министру иностранных дел с предложением немедленно организовать междусоюзническое выступление в Восточной Сибири, где быстро развиваются события, угрожающие Сибирской железной дороге. Он требует, чтобы это выступление было поручено Соединенным Штатам и Японии, и указывает его цели: помешать отправке в Россию запасов военного имущества и сырья, находящихся на складах во Владивостоке; впоследствии позволить поддерживать и питать очаги сопротивления, которые могли бы остаться или образоваться в России, во всяком случае воспрепятствовать выходу противника на Тихий океан и, таким образом, лишить его возможности вести там подводную войну¹.

* * *

Австро-германское наступление в Италии.

24 октября 1917 г. на итальянском фронте австро-германцы, воспользовавшись очень густым туманом и грозовым ливнем, парализующими активные органы обороны, переходят в наступление и прорывают итальянский фронт на верхнем Изонцо в районе

¹ Здесь французский издатель «Воспоминаний» Фоша, «признавая» общеизвестные факты организации Антантой интервенции в Советскую Россию, извращает цели интервенции и старается скрыть от читателей, что главной ее целью было уничтожение советской власти.

Руководители Антанты отлично знали, что партия большевиков, Советское правительство и народы Советской России вели борьбу в одинаковой степени и против Антанты и против коалиции центральных держав за выход из империалистической бойни. Лозунг большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую принес свои плоды не только в России, но и в остальных воюющих державах и их армиях. Пример революционной России, сбросившей иго самодержавия и капитала, начал заражать тыл и армии и Антанты, и коалиции центральных держав. — *Ред.*

Капоретто. Брешь, пробитая противником на фронте итальянской 2-й армии, вынуждает главнокомандующего, ген. Кадорна, отвести все свои силы на Тальяменто.

26 октября французское правительство предлагает итальянскому командованию подкрепления. Телеграмма французского правительства совпадает по времени с депешей ген. Кадорна, просящего о присылке британских и французских дивизий во исполнение соглашений, заключенных в 1916—1917 гг. Ген. Петэн немедленно принимает меры для отправки командующего армией с четырьмя дивизиями и соответствующим количеством тяжелой артиллерии.

Начальник британского генерального штаба ген. Робертсон сперва выказывает меньшую готовность послать в Италию английские войска и лишь по получении следующего категорического заявления начальника французского генерального штаба решается погрузить армейский корпус в составе двух дивизий. «Несомненно,—пишет ему ген. Фош,—ген. Кадорна располагает всей материальной частью, войсками и оборонительными рубежами, необходимыми для того, чтобы задержать противника... Но события сильнее всяких рассуждений. В интересах союзников—во что бы то ни стало помешать расширению катастрофы, происшедшей с Италией. А для этого они должны, немедленно, морально и материально поддержать итальянскую армию».

Действительно, опасность, нависшая над Италией, может стать грозой. Если противник проникнет в глубь этой страны, он сможет в значительной степени стеснить сообщения союзников с Северной Африкой, Египтом, Палестиной и Грецией. Таким образом, завязавшаяся игра имеет первостепенное значение. Французское правительство настолько отдаёт себе отчет в этом, что, не колеблясь, посылает за Альпы начальника своего генерального штаба с самыми широкими полномочиями.

28 октября, в то время как грузятся первые французские части, ген. Фош выезжает из Парижа. 30-го он прибывает в Тревизо, немедленно встречается с ген. Кадорна и получает от него точную информацию об обстановке.

Итальянская армия отходит через Фриуль на р. Тальяменто. Сможет ли она удержаться там? Кадорна не решается ответить утвердительно; 2-я армия была настолько растрепана под Капоретто, что ее сопротивляемость представляется в данное время сильно подорванной, и кажется вероятным, что придется отходить до р. Пиаве.

Исходя из этого предположения, ген. Фош решает выгрузить первые французские войска в Виченце. Но в тот же день, 30-го,

видимо, достоверные сведения заставляют итальянское верховное командование опасаться сильного наступления противника к северу от озера Гарда. Ген. Фош изменяет свои первоначальные распоряжения; он намеревается выставить две французские дивизии к северу от Бреши, а две — вокруг Вероны, где должен расположиться командующий французскими экспедиционными силами ген. Дюшен.

31 октября ген. Робертсон в свою очередь приезжает в Тревизо и совещается с ген. Фошем. Оба генерала считают, что итальянские армии не разбиты; фактически была атакована только одна из них. При условии восстановления в них порядка они все же представляют силу, которая должна позволить удержать противника на линии Тальяменто и оказать ему сопротивление на Пиаве и в Трентино.

1 ноября ген. Фош видится с герцогом Аостским, посещает короля в Падуе и едет в Рим с председателем итальянского совета министров Орландо. Последний оценивает обстановку вполне разумно и хладнокровно; он намерен сопротивляться до конца, если даже, заявляет он, пришлось бы отступить в Сицилию.

«Не в этом дело, — отвечает ему Фош, — надо оказать сопротивление на Пиаве».

2 и 3 ноября он несколько раз встречается с членами итальянского правительства и настаивает перед ними на необходимости перемен в верховном командовании, чтобы придать последнему большую активность.

5-го в Рапалло съезжаются главы английского, французского и итальянского правительств. Ген. Фош описывает им последние события. Итальянская 2-я армия разбита, остальные три нетронуты; все они отходят с линии Тальяменто на более сильный и короткий рубеж Пиаве; имея в своем составе 700 000 человек, они легко смогут держаться при условии, если главное командование ясно выразит свою волю и будет следить за выполнением своих приказов.

6 ноября конференция продолжается. Английский премьер, опираясь на высокий авторитет ген. Фоша и Робертсона, заявляет, что он не может доверить союзные войска итальянскому главному командованию в его теперешнем составе. На это Орландо отвечает, что проект реорганизации главного командования и намеченные изменения в его личном составе будут немедленно представлены на утверждение королю.

Возникает другой вопрос — о численности союзных войск. Председатель итальянского совета министров просит о присылке в Италию 15 союзных дивизий. Фош и Робертсон считают эту

цифру чрезмерно большой. К тому же, добавляет ген. Фош, «одним из замечательных уроков настоящей войны является большая сила обороны. При некоторых условиях численное превосходство может обеспечить победу, но при других дело может обстоять совершенно иначе. Лучшим доказательством этого послужило сопротивление, оказанное за Изером союзными армиями германским силам, имевшим очень большое численное превосходство. Та же истина была доказана под Верденом, где противник был задержан гораздо более слабыми силами, хотя он по нескольку раз повторял свои атаки. При помощи колючей проволоки или других препятствий можно организовать на Пиаве действительное сопротивление... За Пиаве находится организованная армия с хорошим командованием, обильно снабженная огнеприпасами; она может оказать сопротивление силам, численностью значительно превосходящим ее».

События в Италии бросили также свет на одно обстоятельство, которое вот уже несколько месяцев привлекало внимание некоторых союзных государственных людей и генералов. Ввиду численного превосходства, свободы маневрирования и возможности для противника осуществлять внезапные нападения союзники могут вести успешную борьбу лишь посредством быстрой переброски своих резервов на всем протяжении фронта. Это требует прежде всего своевременного получения сведений о замыслах противника, а во-вторых, наличия органа, который без промедления отдавал бы распоряжения о переброске этих резервов на угрожаемые участки. Необходим междусоюзнический орган, который руководил бы операциями на всех театрах военных действий. В сущности говоря, коалиции необходимо было иметь единого главнокомандующего; но умы, особенно в Англии, еще мало были расположены признать это.

Решение, одержавшее верх в ноябре 1917 г., заключалось в создании Высшего военного совета, в состав которого должны были входить первые министры и по одному члену от всех союзных правительств, представленных в Рапалло. Этот совет должен был заседать в Версале; в помощь ему образован был штаб, в состав которого входило по одному военному представителю от каждой державы; военные представители не должны были занимать других должностей. Последнее решение касалось главным образом Франции, наметившей своим представителем ген. Фоша. В то же время он являлся начальником генерального штаба. Таким образом, он должен был по возвращении из Италии отказаться от одной из своих должностей.

Наряду с ген. Фошем назначаются: от Англии — ген. Вилсон, а от Италии — ген. Кадорна, которого на посту главнокомандующего сменил ген. Диац. Впоследствии Соединенные Штаты были представлены ген. Блиссом.

Немедленно по вступлении в должность военные представители получают задачу изучить общую обстановку на всех фронтах и, в частности, обстановку на итальянском театре.

9 ноября ген. Фош и Вилсон встречаются в Падуе с новым итальянским главнокомандующим ген. Диацем; он твердо решил обороняться на Пиаве, но опасается обходного наступления австрийцев через перевал Тонале.

Чтобы устранить это опасение, Фош снова изменяет расположение французских сил. Одна из дивизий перебрасывается в долину Каноника, другая — на Брешу, где будет расположен ген. Дюшен. Кроме того, Фош вносит предложение возложить на французского генерала командование участком фронта между озером Гарда и швейцарской границей; итальянское главное командование принимает это предложение.

Вскоре ген. Диац начинает жалеть о том, что французские войска расположены так далеко. 11 ноября он высказывает беспокойство за Монтелло — стык между долиной Пиаве и горным районом — и обращает внимание Фоша на то обстоятельство, что «на итальянское общественное мнение производит неблагоприятное впечатление факт расположения армий союзников вдали от опасности». Поэтому он просит, чтобы французские дивизии были постепенно переведены на фронт Пиаве.

Ген. Фош отказывается ради удовлетворения эмоциональных требований вводить французские войска в район, уже переполненный итальянскими войсками, по забитым дорогам. В этих условиях французские силы не оказали бы никакой действительной помощи, а сами подверглись бы опасности оказаться вовлеченными в отступление итальянцев. К тому же он с самого своего приезда все время отстаивал мысль, что необходимо избегать преждевременного и разрозненного введения в дело союзных сил; это привело бы к тому, что они влились бы в операции местного значения и их не оказалось бы налицо в случае нового прорыва итальянского фронта.

Тем не менее, чтобы по мере возможности удовлетворить пожелания итальянского главного командования, он решает перевести французские войска в район между Вальдано и Виченцей, временно оставив одну дивизию к западу от озера Гарда. Английская армия должна сосредоточиться справа от французской, к югу от Виченцы.

15-го Фош уже может телеграфировать в Париж, что «положение на позициях, занимаемых в настоящее время итальянской армией, заметно улучшается в ее пользу» и что «в общем моральное состояние как будто поднимается».

16-го он посылает затребованный Высшим военным советом доклад о размерах помощи, которая должна быть оказана Италии. Он приходит к выводу о необходимости немедленной присылки 12 дивизий — шести французских и шести британских — с соответствующей тяжелой артиллерией. После прибытия этого первого контингента, т. е. к 1 декабря, события подскажут необходимый образ дальнейших действий.

18 ноября, несмотря на улучшающуюся с каждым днем обстановку, итальянский штаб присылает ген. Фошу ряд документов, касающихся организации отхода на Минчо и Адидже. Фош отказывается рассматривать подобное предложение.

Впрочем, с 20 ноября силы союзников уже в состоянии оказать итальянской армии значительную поддержку. 22-го и 23-го на плато Асиало, а также в районах гор Монте Граппа и Монте Томба разворачиваются упорные бои; повсюду итальянцы оказывают сопротивление.

После первоначального отхода итальянское командование быстро оправилось, и благодаря принятым мерам итальянская армия еще до ввода в дело британских и французских частей собственными силами восстановила непрерывный фронт в долине р. Пиаве.

Фош поддержал и подкрепил итальянское главное командование; он помог ему принять энергичные решения, которых требовала серьезная обстановка. Как за три года до того, во время сражения во Фландрии, он сумел заставить признать его авторитет своим ясным пониманием событий, своей решимостью, активностью, энергией и преданностью союзникам.

События под Капоретто оправдали прогноз ген. Фоша и выявили справедливость выводов его записки от 26 июля 1917 г. На первый план выступает необходимость выполнить два условия: ускорить прибытие во Францию американской армии, чтобы восторжествовать над численным превосходством противника, и создать междусоюзнический орган для руководства стратегией Антанты.

* * *

Помощь американской армии. Общие основы формирования американской армии и перевозки ее во Францию были выработаны в Америке по соглашению маршала Жоффра с правительством Соединенных Штатов.

Вступив в должность начальника генерального штаба, ген. Фош принимает, по соглашению с французским правительством и главнокомандующим, необходимые меры для выгрузки американских войск, устройства их в лагерях и формирования их во Франции. Одно из отделений его штаба получает специально задачу разработки этих вопросов.

Кроме того, надо предусмотреть порядок использования американских контингентов на французском фронте.

В то время, когда Соединенные Штаты вступали в войну, в Америке, как и в Европе, сходились на том, что американские силы должны использоваться в виде крупных соединений, под командой своих собственных начальников. Было решено, что по окончании периода обучения во Франции американские дивизии постепенно займут отдельный американский участок фронта по обе стороны р. Мозеля.

Но в ноябре 1917 г., ввиду событий в России и медленного темпа прибытия американских дивизий на фронт, союзники изменяют свою точку зрения. Они озабочены своей численной слабостью и кризисом в поступлении людских пополнений. Этот кризис возникает накануне германского наступления; размеры и продолжительность его предсказать нельзя. Союзники видят единственное средство улучшения положения в использовании американских сил спустя месяц по прибытии их в Европу, немедленно по окончании обучения мелких частей; затем их будут вводить отдельными полками и даже батальонами в состав британских или французских дивизий.

Эта система «амальгамы» в сущности не удовлетворяет ни Соединенные Штаты, которые понимают, что она задержит формирование желательной для них самостоятельной американской армии, ни Фоша, считающего, что войска никогда не дерутся лучше, чем под собственными знаменами. Но обеим сторонам приходится подчиниться временной необходимости. На сделанные в этом смысле предложения президент Вилсон и ген. Першинг отвечают, что если это нужно, то они в общих интересах согласятся на «амальгаму». В доказательство своей доброй воли они немедленно предоставляют в распоряжение ген. Петэна четыре полка негритянских войск.

Формирование, снаряжение, обучение, перевозка во Францию американской армии требуют значительных усилий.

За несколько месяцев до своей смерти маршал Фош писал:

«Задача, огромная по своему масштабу, так как речь шла не более не менее, как о том, чтобы перевести на военное положение

страну с более чем стомилионным населением. Все приходилось создавать заново. Постоянная армия, рассчитанная на ограниченные потребности мирного времени, могла оказать лишь самую минимальную поддержку и помощь в деле мобилизации крупных войсковых соединений, которые решила создать Америка; в действительности их приходилось формировать целиком заново с их штабами, командным составом, войсками и многочисленной материальной частью, без которой в современной войне ничего нельзя предпринять. Приходилось выковывать новое оружие.

И его надо было выковать не только в самом большом масштабе, но и в кратчайший срок. Война продолжалась уже более трех лет; было ясно, что самые ее размах и интенсивность не позволят ей затянуться еще надолго и что для того, чтобы сказать свое веское слово при окончательном решении, Америка должна была как можно скорее прислать помощь в Европу».

Но как спешно ни принимаются меры к тому, чтобы американская армия появилась на полях сражений в Европе, достигнутые результаты остаются первое время довольно незначительными. Число прибывающих в Европу американских солдат не превышает в среднем 30 000 в месяц. В марте 1918 г., через год после вступления Америки в войну, к началу германского наступления, численность американских войск во Франции достигла лишь 300 000; дивизий же было только шесть.

Расчеты, произведенные в конце 1917 г., показывают, что на полезную помощь Соединенных Штатов можно надеяться лишь к лету 1918 г., а на их мощную поддержку — не раньше, чем в 1919 г.

* * *

План действий союзников на 1918 г.; вопрос о междусоюзнических резервах и едином командовании. Указанные сроки прибытия американских сил не удовлетворяли потребностей, вызываемых затруднениями, вставшими перед союзниками в конце 1917 г. Достоверно известно было, что германцы приложат все свои усилия и используют всю мощь своего оружия на Западном театре, чтобы добиться там победы до прибытия основных американских сил, могущих сыграть решающую роль. В течение первой половины 1918 г. союзникам приходится отражать натиск противника только своими собственными силами.

Какого образа действий им надо придерживаться, имея в виду перевес противника и открывающиеся перед ним возможности?

18 ноября 1917 г. ген. Петэн в докладе французскому Военному комитету высказывается за выжидательную тактику на Западном фронте.

Эта тактика, пишет он, требует прочного оборудования фронта и создания крупных резервов, готовых к вмешательству на угрожаемом участке. Но необходимо также назначить верховного главнокомандующего для разработки планов и использования резервов. «Одним из условий успеха является осуществление единства командования...»

1 января 1918 г. Фош в свою очередь излагает свой взгляд военным представителям в Версале:

«С начала 1918 г. нам надо ожидать сильного германского наступления.

Оно будет комбинированным в пространстве и во времени, т. е. распределено по различным участкам франко-английского фронта, а может быть и итальянского фронта, через различные промежутки времени.

Мы ответим на него мероприятиями, проводимыми в настоящее время как на французском, так и на английском фронте; эти меры позволяют надеяться на то, что наступление противника будет задержано, не успев дать решительных результатов.

Мы должны ответить на него не только пассивными действиями, но и наоборот, потребовать от армий Антанты решимости использовать малейшую возможность навязать противнику нашу волю путем перехода в наступление, являющееся единственным способом добиться победы...

Для этого союзные армии должны:

а) в случае наступления противника не только задержать и контратаковать его в районе его наступления, но предпринять мощные контрнаступления с целью отвлечь противника на заранее избранных участках, подготовленных для быстрого проведения таких операций;

б) если противник не будет наступать,—быть в состоянии предпринимать по своей инициативе операции с ограниченными целями, рассчитанными на то, чтобы сохранять моральный перевес над противником, изматывать его и поддерживать боеспособность войск;

в) в том и другом случае—быть в состоянии придать этим операциям форму комбинированного наступления с решительными целями, если истощение противника или всякое другое благоприятное условие общей обстановки позволит надеяться на успех такого наступления...»

Этот план от 1 января 1918 г. был тем самым планом, который Фош осуществил несколько месяцев спустя. Он содержит в зародыше ход операций, приведших к победе: сперва вынужденная оборона союзников, затем их частные контрнаступления и, наконец, общее наступление, приведшее к победе.

Но для того чтобы определить порядок, в котором будет проведено рекомендуемое Фошем наступление с целью отвлечь противника, «необходимо,—заявляет генеральный штаб в записке от 6 января 1918 г.,—высший орган командования, который один способен постоянно отстаивать общий план против частных тенденций и интересов, быстро принимать решения и заставлять проводить их в жизнь без потери времени. Для этого необходимо назначить, по крайней мере для фронта, простирающегося от Северного моря до Швейцарии, авторитетного военного деятеля, который в интересах коалиции и в согласии с намерениями Высшего военного совета руководил бы действиями на всем фронте, распоряжался бы общими резервами, подготовлял бы контрнаступление и в надлежащий момент отдал бы приказ о его проведении...»

Таким образом, снова поднимается вопрос о междусоюзнических резервах и командовании, который Фош безуспешно ставил перед главами правительств Антанты 26 июля предыдущего года.

На этот раз условия уже не те: за это время произошли события в Италии, было заключено соглашение в Рапалло и создан Высший военный совет.

Но хотя это последнее учреждение представляет собой шаг вперед по сравнению с прежним положением, оно еще далеко не отвечает требованиям обстановки. Военный совет является совещательным и наблюдательным органом; он не способен быстро принимать решения и проводить их в жизнь; он не располагает никакими средствами действия; что сможет он противопоставить предстоящим германским атакам, как сможет он ответить на них? Когда начнется операция, не придется ли ему только подписываться под решениями, которые будут приняты помимо него? А будут ли соответствовать эти решения общим интересам коалиции? Не будут ли они продиктованы частными интересами или требованиями минуты?

Французское и американское правительства вполне согласны с требованием создания единого верховного командования; лично Ллойд-Джордж был сторонником этого решения, но английское общественное мнение и главное командование относились к этому требованию резко отрицательно. Англия придерживалась точки

зрения, выраженной в директиве, которую Китченер дал фельд-маршалу Френчу в начале войны, в августе 1914 г.: «Я желаю, чтобы вы знали, что ваше командование является совершенно независимым и что вы ни в коем случае не будете подчинены союзному генералу».

Но, что еще более серьезно, образование общих резервов и намечаемое их использование также встречают сопротивление, которое военный представитель Франции в Версале ген. Вейган и Фош со всей энергией стараются побороть.

21 января ген. Вейган представляет на рассмотрение своих коллег план действий Фоша на 1918 г. Под влиянием английского представителя ген. Вилсона военные представители союзников высказывают мнение, что в течение 1918 г. ни та ни другая сторона не смогут добиться никаких преимуществ на французском театре. Они считают, что для союзников будет лучше остановиться на выдвинутой Ллойд-Джорджем идее операции против Турции «с целью уничтожить турецкие армии и сломить сопротивление этой страны».

Благодаря стараниям ген. Вейгана союзники возвращаются к более трезвой оценке обстановки на западе и присоединяются к точке зрения Фоша.

Зато идея временного единого командования, выдвинутая французским генеральным штабом, встречает непреодолимое сопротивление, и военные представители ограничиваются тем, что рекомендуют образовать общий резерв «для всех союзных сил на Западном фронте как во Франции, так и в Италии...»

Все это представляет собой скорее пожелания, чем осуществление задачи, и ген. Вейган считает себя вправе написать 22 января председателю совета министров: «...Под угрозой и, быть может, накануне самого мощного удара, который противник когда-либо пытался нанести нам, мы не имеем никакого общего плана операций коалиции на 1918 г. ...»

И в самом деле, у союзных армий ничего не подготовлено для оказания взаимной поддержки или для проведения совместной операции. Ген. Фош может только констатировать это на совещании 24 января в Компьене, на котором присутствуют приехавший из Лондона ген. Робертсон и главнокомандующие. Фош, высказываясь против всецело оборонительного образа действий, призывает к активности. На примере сражения на Сомме, которое ослабило нажим на Верден, он показывает, что наилучшим средством задержать настойчивое наступление противника является переход в свою очередь в мощное наступление. Но только, добавляет он,

такая операция возможна лишь в том случае, если она предусмотрена и подготовлена. Какими же силами она будет проведена? Всеми остающимися свободными британскими и французскими силами. Таким образом, следует рассматривать весь франко-британский фронт в целом, а не французский фронт, с одной стороны, и британский — с другой. Нам необходимо иметь общий план, «предусматривающий и подготовляющий переход в наступление в надлежащий момент, на поле сражения, общем для всех имеющихся в распоряжении сил союзников».

Главкомандующие в принципе согласны с Фошем по вопросу о контрнаступлении для отвлечения противника, но полагают, что силы, которые придется противопоставить германским войскам и которые будут еще ослаблены потерями, не позволят провести это контрнаступление.

Значит, заключает Фош, «в ответ на наступление противника мы подготовили лишь паллиативы; мы не имеем в запасе широкого, мощного контрудара».

Он вновь поднимает этот вопрос перед главами союзных правительств, собравшимися в Версале с 30 января по 2 февраля 1918 г.:

«Обстановка вынуждает нас в начале 1918 г. оставаться в выжидательном положении. Отсюда — необходимость иметь для всего фронта от Ньюпора до Венеции единый оборонительный план, который мог бы в зависимости от обстоятельств превратиться, целиком или частично, в наступательный план.

Наш наступательный план должен быть разработан так, чтобы мы могли ответить на несколько наступлений противника, направленных против различных союзных армий; отсюда вытекает необходимость комбинировать оборонительные средства этих армий. Помимо оборонительных сооружений, которые необходимо создать в каждой армии, и резервов, которыми каждая должна располагать, чтобы быть в состоянии отразить наступление на своем фронте, необходимо иметь общие резервы, которые можно было бы перебрасывать с одного участка фронта на другой, в наиболее угрожаемое место, или сосредоточить для контрнаступления, имеющего целью положить конец ожесточенному наступлению противника на одного из союзников. Поэтому, одновременно с обороной, необходимо подготовить и эти наступательные маневры».

Таким образом, вопрос о союзнических резервах оказывается поставленным перед государственными деятелями, ответственными за ведение войны в целом, вместе с вопросом о плане кампании.

План действий Фоша подвергается рассмотрению и обсуждению; главнокомандующие выдвигают против него возражения, основанные, как мы видели, на недостаточной численности войск. Но, по настоянию Клемансо, план в конце концов принимается.

Затем переходят к вопросу о междусоюзническом резерве. Фош без труда заставляет признать его необходимость и предлагает создать для его формирования, сохранения и использования орган, который вел бы переговоры с главнокомандующими и принимал необходимые решения. Он предлагает образовать этот орган из начальников английского, французского и итальянского генеральных штабов.

Во время прений военный представитель Соединенных Штатов ген. Блисс высказывается за необходимость междусоюзнического резерва и единоличного главнокомандующего. Ллойд-Джордж подчеркивает бесполезность нового органа, который дублировал бы работу Высшего военного совета, но выражает пожелание, чтобы, ввиду опыта и прошлой деятельности ген. Фоша, последний вошел в состав уже существующего органа.

По предложению Ллойд-Джорджа образуется Исполнительный комитет из военных представителей Америки, Англии и Италии под председательством ген. Фоша. Этот комитет имеет задачей определить численный состав общего резерва и долю участия каждой армии в его образовании, установить районы его расположения, подготовить его действия и, когда придет время, принять решение о его использовании.

Таким образом, Версальская конференция знаменует собой большой шаг в сторону дальнейшего объединения сил Антанты. За отсутствием единого верховного командования, которое являлось бы самым правильным решением, она все же делает возможным известное единство действий в критические дни сражения.

Новый Исполнительный комитет немедленно приступает к делу. Установив силу общего резерва примерно в 30 дивизий, он 6 февраля требует от британской армии выделения 9—10 дивизий, в том числе трех, находящихся на итальянском фронте; французская армия должна предоставить 13—14 дивизий, в том числе 4 из Италии, итальянская армия—7 дивизий, что составляет одну седьмую сил союзников—«минимум, ниже которого можно было бы спуститься, только отказавшись от образования резерва, действительно способного повлиять на исход сражения». Кроме того, Исполнительный комитет решает, что соединения общего резерва будут в принципе расположены в районе своих армий так, чтобы быть в состоянии быстро вступать в бой; чтобы иметь возмож-

ность увеличить их состав, он просит бельгийскую армию сменить англичан на фронте до окрестностей Лангемарка.

Эти распоряжения вызывают возражения со стороны исполнителей. Французский главнокомандующий считает цифру 10 дивизий чрезмерной и предлагает дать только 8, добавляя: «Что касается использования пехотных дивизий, назначенных в состав общего резерва, то я надеюсь, что наши общие усилия сгладят затруднения практического порядка, которые не могут не возникнуть в начале сражения». Ген. Фош принимает предложенные 8 дивизий и отвечает главнокомандующему: «Можете быть уверены в том, что со своей стороны Исполнительный комитет постарается избежать всяких задержек и сгладить все затруднения».

Таким образом, благодаря взаимному пониманию положения, между комитетом и французским главным командованием устанавливается полное согласие.

Иначе обстоит дело с англичанами. 2 марта британский главнокомандующий пишет Фошу, что он уже распределил все свои войска для отражения наступления противника, что он никак не может изменить свои планы и распоряжения и что он, к сожалению, не может пойти навстречу предложениям Исполнительного комитета.

Итак, вследствие отказа британского главного командования, Комитет лишен возможности продолжать выполнение своей задачи. 4 марта, за 17 дней до начала германского наступления, он может лишь притти к следующему выводу:

«...Исполнительный комитет считает, что он не в состоянии продолжать свою работу и, следовательно, организовать междусоюзнический резерв в соответствии с указаниями, данными ему Высшим военным советом на заседании 2 февраля. Исполнительный комитет решает, чтобы каждый военный представитель, информируя свое правительство, запросил инструкций».

Тогда вопрос ставится 14 и 15 марта перед Высшим военным советом, собравшимся в Лондоне.

В самом начале заседания Ллойд-Джордж, снова провозглашая необходимость междусоюзнического резерва, отстаивает точку зрения фельдмаршала Хейга. Французский премьер одобряет ее; он заявляет, «что ввиду непосредственной угрозы наступления противника взять дивизии у фельдмаршала Хейга или ген. Петэна невозможно и что, кроме того, между Хейгом и Петэном, принявшими все меры для оказания друг другу взаимной поддержки в случае необходимости, существует полная согласованность, одобренная обоими правительствами».

Представители Соединенных Штатов и Италии держатся дру-

ного мнения. Чтобы постараться удовлетворить их, не изменяя ни в чем особых мероприятий, проведенных на франко-английском фронте, совет решает образовать «ядро» общего резерва из британских и французских дивизий, находящихся в Италии, и нескольких итальянских дивизий, число которых должно быть установлено Исполнительным комитетом. Впоследствии резерв должен быть усилен свежими дивизиями, прибывающими из Америки.

Ген. Фош протестует против этих решений, текст которых к тому же не был сообщен ему до начала заседания: «Очевидно, речь идет, — говорит он, — об организации исполнительного совета, но прежде всего этот совет, повидимому, будет лишен всякой исполнительной власти».

На это Клемансо отвечает, что, по его мнению, принятое решение не сократило, а наоборот, расширило права Исполнительного комитета.

На другой день, 15 марта, Фош возвращается к этому вопросу. Перейдя во время прений от вопроса об образовании междусоюзнического резерва, он подходит к вопросу об общем руководстве операциями. «По вашим словам, между главнокомандующими установилось полное согласие, — говорит он, — каждая армия знает, чего ей ждать от соседней армии. Пусть так. Но если Высший военный совет не будет в точности знать положения каждой армии и размеров взаимной помощи, то как сможет он принимать решения, которых, несомненно, потребуют события, и каким образом будет он приводить их в исполнение? Чтобы Высший военный совет мог приносить пользу, — говорит Фош, — необходимо расширить его полномочия».

Доводы Фоша производят сильное впечатление на Ллойд-Джорджа, но он не углубляется в существо вопроса, а ограничивается заявлением, что «соглашение, достигнутое между главнокомандующими союзных армий во Франции по вопросу о взаимной поддержке, составит предмет официального сообщения постоянным представителям в Версале». Таким образом, Лондонская конференция не приводит почти ни к каким результатам.

Не было достигнуто удовлетворительного решения по вопросу об общем резерве, а вопрос о командовании даже не был затронут.

Понадобилась почти катастрофа, чтобы исправить ошибку, допущенную 15 марта 1918 г. в Лондоне.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ СОЮЗНЫМИ АРМИЯМИ

Глава первая

Германское наступление 21 марта и соглашение в Дулане

21 марта 1918 г. в 4 часа утра на всем фронте между долиной р. Скарп и долиной р. Уаза германская артиллерия внезапно открыла сильнейший огонь.

В 9 час. пехота противника, пользуясь густым туманом, атаковала позиции, на которых с весны 1917 г. были расположены английские армии:

— к северу — 3-я армия (ген. Бинга) между Аррасом и районом ле-Катлэ;

— к югу — 5-я армия (ген. Гофа) от района ле-Катлэ до Баризи-о-Буа.

3-я армия имела на фронте в 40 км 10 дивизий в первой линии и 6 — в резерве.

5-я армия, оборонявшая фронт в 60 км, имела в первой линии 11 дивизий, а в резерве — 3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии.

Против них наступающие массы германцев были сгруппированы в три армии:

— к северу, в районе Арраса, — 17-я армия (Отто ф. Белов);

— в центре, между Камбрэ и ле-Катлэ, — 2-я армия (фон дер Марвиц) из группы армий кронпринца баварского;

— к югу, опираясь на долину Уазы, — 18-я армия (ф. Хутье) из группы армий кронпринца германского.

Хотя в то время, как они ринулись в атаку на английские позиции, в лагере союзников в точности не был известен их численный состав, однако приблизительное представление о нем союзники имели. Работа, произведенная за три месяца до того в штабе французского главнокомандующего, пока-

зала, что немцы смогут к 1 марта 1918 г. располагать на Западном фронте приблизительно 200 дивизиями, что позволит им образовать ударную массу в 80 дивизий, примерно с 1 000 батарей тяжелой артиллерии. Можно было предполагать, что до пятидесяти из этих дивизий будут сразу назначены для ближайших операций, что обеспечит им в районе наступления двойное численное превосходство.

Весной 1918 г. германское командование собиралось применить во Франции те же приемы, которые принесли ему успех под Капоретто, сводившиеся к следующему:

1. Достижение внезапности благодаря скрытной доставке ударной массы в район операции (ночные передвижения, отсутствие света в районах расквартирования и лагерях, маскировка против воздушной разведки противника) и занятие атакующими частями исходного положения лишь в последнюю минуту.

2. Чрезвычайная мощность и непродолжительность артиллерийской подготовки на глубину 4—5 км при широком применении химических снарядов; атака пехоты, которая во время артиллерийской подготовки занимает исходное положение в 200—300 м от атакуемой первой линии.

3. Быстрый темп операции, что достигается быстрым продвижением пехоты, обеспечиваемой сначала подвижным заградительным огнем артиллерии, затем батареями и минометами сопровождения, а главное — ручными пулеметами.

4. После начала прорыва — расширение его атаками в стороны флангов.

5. Стремление быстро проникнуть в глубину расположения противника (решительное продвижение войск к заранее указанным объектам, находящимся на значительном расстоянии, чтобы тем самым дезорганизовать оборону противника, захватив узловые пункты его оборонительной системы).

6. Инициатива командиров: роль командования является решающей на всех ступенях и во всех родах войск. Когда сражение началось, частные приказы больше не доходят до подчиненных начальников; каждый должен действовать по собственной инициативе.

7. Использование резервов не против очагов сопротивления, захваты которых требуют излишних жертв, а на тех участках, где войска продвигаются вперед и где можно облегчить развитие наступления.

Таковы были общие принципы, применению которых германские войска были обучены на неоднократных тренировочных занятиях, проводившихся в течение нескольких недель перед наступлением.

Верховное командование собиралось использовать эти войска для достижения стратегической цели, от которой оно ожидало столь же быстрых, сколь и решающих результатов.

Поразив один из самых чувствительных участков союзного фронта — стык между британской и французской армиями, оно могло разъединить эти две армии посредством наступления крупными силами, энергично проведенного в направлении на Амьен. Развивая начальный успех и расширяя достигнутый прорыв с целью отбросить англичан к морю, а французов на Париж, оно могло разбить коалицию и вывести из строя обоих своих главных противников прежде, чем могла действительным образом сказаться помощь Америки. Таковы были возможности, представлявшие германскому верховному командованию.

В северной области Франции верховное командование к тому же имело особенно благоприятные условия для маневрирования благодаря густой и удобно планированной железнодорожной сети. Линии этой сети вели к одному из жизненных узлов сообщений союзников — Амьену. На большей части избранного фронта наступления командование, по всей вероятности, должно было встретить менее устойчивое сопротивление, чем на всех других фронтах, так как здесь союзники занимали добровольно отданные меньше года назад немцами позиции, а в тылу их, примерно до Амьена, расстилалась местность, превращенная в пустыню как планомерными разрушениями, произведенными весной 1917 г., так и опустошениями во время сражения на Сомме летом 1916 г. Таким образом, германское верховное командование считало, что оно держит в руках все козыри.

* * *

Однако ни британское ни французское главное командование не находилось в неведении относительно планов противника. Получаемые ими сведения с февраля указывали на участки фронта от Уазы до р. Скарп и в Шампани по обе стороны Реймса как на главные районы наступления.

Но в то время как англичане считали, что противник будет наносить свой главный удар в Шампани, ген. Петэн пола-

гал, что этот удар будет направлен против английского фронта к северу от Уазы. Исходя из этого последнего предположения, он предвидел, что стык между британскими и французскими силами неизбежно явится той точкой наименьшего сопротивления, где будет «труднее, чем где бы то ни было, вести сражение».

Правда, в течение зимы начальник французского генерального штаба и военные представители в Версале пытались исправить этот недостаток, но их усилия остались практически бесплодными. 13, 14 и 15 марта союзные правительства собрались на конференцию в Лондоне, чтобы, в частности, рассмотреть вопрос о создании общесоюзного резерва, вверенного мне как председателю версальского Исполнительного комитета. На заседании 14 марта фельдмаршал Хейг, участвовавший в конференции, заявил, что он не может оказать при образовании этого резерва той помощи, которой у него просили, и выделить требуемое число дивизий; несмотря на мои возражения, английское правительство присоединилось к его мнению, а французское правительство безоговорочно приняло британское предложение.

Так как это решение правительств продолжало внушать мне беспокойство, то на заседании 15 марта я попросил слова и решительно указал на недостатки в организации командования как раз в то время, когда союзникам предстояло дать, как казалось, в ближайшем будущем серьезнейшее оборонительное сражение. Мой опыт позволял мне утверждать это. С начала войны мы провели большое число сражений, в которых участвовали совместно армии союзников: в 1914 г. на Марне и под Аррасом — французы и англичане; на Изере и под Ипром — французы, англичане, бельгийцы; в 1917 г. на Пиаве — итальянцы, французы, англичане. Ни одно из сражений не могло бы окончиться успешно без объединяющего органа, обеспечивавшего своей планомерной работой успех общесоюзного дела, согласовывавшего и сосредоточивавшего усилия армий различной национальности, без чего эти усилия неизбежно оказались бы разрозненными.

При настоящих условиях таким органом являлось бы командование общего резерва, если бы он был сформирован. Но при отсутствии этого междусоюзнического органа можно было опасаться, как бы каждая из армий — французская и английская, — на которые должны были обрушиться удары противника, не подчинилась соображениям собственных инте-

ресов и опасности, которой она подвергается, и не упустила из виду общих интересов, которые, однако, надо было обеспечить в первую голову. В итоге, при существующих условиях успех сражения мог быть поставлен для союзников под сомнение вследствие отсутствия единства взглядов и единого командования. Мои замечания и предсказания занесены в протокол Лондонской конференции 15 марта. Эти замечания хотя и произвели впечатление на главу одного из правительств—Ллойд-Джорджа, но не заставили конференцию изменить свои решения от 14 марта. Справедливость моих замечаний получила полное подтверждение шесть дней спустя на поле сражения.

Во всяком случае накануне большого германского наступления союзные правительства решили положиться исключительно на соглашение, существующее между Хейгом и Петэном, считая его достаточным при данной, чреватой опасностями, обстановке.

Действительно, оба главнокомандующих приняли особые меры для предотвращения нависшей угрозы:

— ген. Петэн,—выделив в резерв в район Клермона 3-ю армию (ген. Энбера) силой в 5 пехотных дивизий, кавалерийский корпус и 3 артиллерийских полка, которые должны были действовать в английской полосе либо между Уазой и Соммой, либо даже к северу от Соммы;

— фельдмаршал Хейг,—обязавшись в случае наступления противника на французском фронте прислать на помощь армию в составе 6—8 дивизий, 4—6 дивизионов полевой артиллерии и 2 дивизионов тяжелой артиллерии, но с оговоркой, что эта помощь будет оказана лишь постольку, поскольку германское наступление большого масштаба не распространится и на британский фронт.

Какова бы ни была ценность этих мероприятий, они представлялись недостаточными и страдали слишком серьезными пробелами, чтобы послужить ответом на наступление, которое могло быть предпринято на различных участках фронта и успех которого мог развиваться в заранее намеченном направлении.

К тому же обещания взаимной поддержки, данные обоими главнокомандующими, были ослаблены оговорками, откровенно сделанными фельдмаршалом Хейгом; но мысленно такие же оговорки делал и ген. Петэн, так как, глядя

в сторону британского фронта, он предусматривал «непрерывно возрастающую возможность германского наступления, которое захватило бы одновременно и наш фронт в Шампани и британский фронт».

При таких условиях, когда наступил бы день сражения и на широком горизонте собрались бы густые и грозные тучи, который из обоих главнокомандующих решился бы отказаться от оговорок во взятых им обязательствах? Впрочем, во что превратились бы эти обязательства перед лицом внезапной крупной операции противника, если бы она вышла за пределы условий соглашения между обоими союзными главнокомандующими? Каким образом каждый из них, к тому же ответственный перед своим правительством за обеспечение интересов своей страны, как и за размер средств и жертв, которых приходилось требовать от нее, осмелился бы заглянуть за ограниченные пределы района действий своей армии? А когда наступил бы момент принятия ответственных решений, сумел ли бы он отрешиться от этой ответственности, чтобы оказать находящемуся в опасности соседу соответствующую быструю и сильную помощь, для чего, может быть, пришлось бы перебрасывать войска на большое расстояние? К тому же, даже если бы он захотел этого, смог ли бы он быстро и безошибочно направить подкрепления в район действий своего соседа, когда штабы и войска были еще между собой незнакомы, не были в точности осведомлены о потребностях, средствах, образе действий соседа и обеспечивали свое взаимодействие соглашениями или протоколами, неизбежно формальными или, по меньшей мере, медленно проводимыми в жизнь?

К тому же дело не в одном желании главнокомандующего. Здесь приходилось вести ожесточенное оборонительное сражение, продолжительность которого была неизвестна.

Вот почему соглашение, заключенное в Лондоне между главнокомандующими, показалось мне безусловно недостаточным, что немедленно доказали последующие события. Вот почему союзные правительства взяли на себя тяжкую ответственность, когда, ни минуты не колеблясь, доверились этой простой договоренности двух главнокомандующих, имевших каждый свои собственные частные интересы, и на этом успокоились.

* * *

21 марта план германского командования был осуществлен по всем своим объемам. Введенные в дело силы — 50 дивизий, ширина фронта наступления — 80 км, намного превосходили все, что наблюдалось со времени начала позиционной войны на Западном театре. Не менее значительными были достигнутые результаты.

На севере английская 3-я армия в общем удержала свои позиции, но иначе обстояло дело в 5-й армии ген. Гофа. Она была опрокинута почти на всем своем фронте, и правый фланг, в частности, был отброшен к западу от Сен-Кантена на подступы к каналу Кроза.

На другой день, 22 марта, эта сильно расстроенная армия отошла на Сомму. Тот непонятный факт, что линия Соммы, проходившая в нескольких километрах в тылу, была занята противником почти без выстрела, можно объяснить только смущением и растерянностью, овладевавшими войсками, сильно атакованными в первой линии. То же нам довелось наблюдать на р. Эне во время наступления 27 мая.

Несмотря на введение в бой британских резервов, общее отступательное движение 5-й армии совершалось темпом, свидетельствовавшим о значительном понижении ее сопротивляемости. Обеспокоенный этим, фельдмаршал Хейг просил ген. Петэна срочно сменить французскими войсками британские части, эшелонированные между Уазой и Соммой под Перонном. Но Петэн еще не избавился от заботы о своем фронте в Шампани. В данный момент он мог только выполнить условия уже заключенного соглашения, а именно — ввести в дело в районе действий британских армий французскую 3-ю армию; но так как эта помощь требовала известного срока, она могла полностью дать себя почувствовать, только начиная с 27 марта. До тех пор англичане были более или менее предоставлены своим собственным силам.

Чтобы отчасти смягчить серьезность положения, французский главнокомандующий, по соглашению с фельдмаршалом Хейгом, решил возложить на командующего резервной группой армий, ген. Файоля, руководство сражением между Баризи-о-Буа и Перонном. Таким образом, Файолю должны были подчиняться английские дивизии, ведущие бой в этом районе, а также французская 3-я армия после ее прибытия и впоследствии французская 1-я армия, которую в данное время

снимали с фронта из района Вовэвр. От Файоля требовали, чтобы он любой ценой восстановил прочный оборонительный фронт на линии Перонн, Гискару, Шони, Баризи-о-Буа или, по крайней мере, на линии Нель, Нуайон.

Однако события развивались с быстротой, опрокидывавшей всякие предположения.

23 марта германцы расширили фронт своего наступления до района к востоку от Арраса.

Не считая незначительного отхода западнее Круази, британская 3-я армия победоносно отражала атаки противника, но для сохранения связи с 5-й армией ей пришлось отвести правый фланг в направлении на Бопом.

Действительно, британская 5-я армия продолжала отходить безостановочно. Днем 23 марта она оставила предмостное укрепление Перонн, а на следующий день, 24-го, — линию Соммы между городами Перонн и Ам.

Тщетно французский 5-й корпус (3-й армии), спешно вступивший в бой, пытался оборонять Нуайон и Северный канал; он был охвачен с обоих флангов, и 25 марта Нуайон перешел в германские руки.

Дело в том, что правый фланг ген. Гофа, вместо того чтобы отходить в направлении на Руа, Мондидье, что обеспечило бы его соприкосновение с французским левым флангом, отступал в направлении на Нель, Амьен, удаляясь от французов и приближаясь к английским базам.

Таким образом, между английским правым флангом и французским левым флангом образовался разрыв в 20 км, который наш 2-й кавалерийский корпус не был в состоянии заполнить и куда быстро проникал противник.

Правда, ген. Файоль предполагал бросить туда части 3-й армии по мере их прибытия и выгрузки, но успел ли бы он сделать это, и если бы разложение армии ген. Гофа продолжалось, не надо ли было бы опасаться, что эти части сами будут унесены водоворотом, прежде чем смогут восстановить непрерывный фронт?

Французский главнокомандующий, который днем 23 марта встретился в Дюри с Хейгом и согласился с ним относительно необходимости обеспечить тесную связь между британской и французской армиями, сомневался теперь в том, удастся ли восстановить эту связь. При том обороте, какой дела приняли 24-го, он уже не надеялся на то, что англичане окажут противнику сопротивление, которое позволило бы француз-

ским дивизиям в благоприятных условиях вступить в бой справа от английской 5-й армии. Он считал, что обстановка требует новых неотложных решений. Он объявил их в тот же день, 24 марта, в директиве командующим группами армий: «В первую очередь,— писал он им,— необходимо сохранить прочный остов всех французских армий в целом, в особенности не дать отрезать резервную группу армий от остальных наших сил. Затем надо, если возможно, сохранить связь с британскими силами....»

Это было серьезное решение; казалось, что оно не вполне соответствует общим интересам союзников, что оно могло нанести новый удар уже сильно подорванному моральному состоянию английских войск.

На следующий день, 25 марта, фельдмаршал Хейг в свою очередь передал в Абвиле ген. Вейгану записку, излагавшую его требования и намерения.

Он требовал немедленного сосредоточения «по обе стороны р. Соммы к западу от Амьена по крайней мере 20 французских дивизий для действий против фланга немцев, наступающих на английскую армию». Это означало, что он предвидел, что события заставят англичан перенести свою линию сопротивления к западу от Амьена.

Его намерения выражались следующей простой фразой: английская армия «должна медленно отходить с боем, прикрывая порты Па-де-Калэ».

Как мы видим, в момент, когда быстро и непрерывно развивался сильнейший кризис, каждый из главнокомандующих думал только о своей частной ответственности перед своей страной. Произошло то, чего можно было опасаться. Каждый из них был озабочен прежде всего тем, чтобы поддержать и сохранить свою армию, а для этого направить ее на собственные базы, т. е. в направлении, лучше всего обеспечивавшем интересы своего государства. Для англичан это были порты Ламанша, для французов — Париж и в тылу его остальная Франция; каждому главнокомандующему эта задача представлялась наиболее существенной. Это могло привести к маневру по расходящимся направлениям. Помощь соседу становилась уже побочной задачей, подлежащей выполнению лишь по мере возможности.

В противоположность единой германской операции союзники вели два отдельных сражения: британское сражение за порты Ламанша и французское — за Париж. Они должны

были развиваться отдельно, по расходящимся направлениям. Тем самым союзные главнокомандующие увеличивали разрыв между своими армиями, что было основной целью германской операции. Они рисковали тем, что этот разрыв станет неправым. В этом случае мы пошли бы навстречу верному поражению, если только союзные правительства, на которые падала наибольшая доля ответственности за создавшееся положение, во-время не вмешались бы, приняв немедленно решение, обеспечивающее спасение коалиции, подтвердив общность ее интересов и поставив во главе армий высший орган, который взял бы на себя охрану этих общих интересов, а также использование всей совокупности сил союзников.

В воскресенье 24 марта около 15 час., прежде чем ген. Петэн успел отдать директиву, подтвердившую несогласие с фельдмаршалом Хейгом, я по своей собственной инициативе попросил свидания с председателем совета министров Клемансо и передал ему докладную записку, в которой обращал его внимание на ход развития сражения; я указал ему на военные мероприятия, которые надо было осуществить немедленно, а также на необходимость создания «органа, руководящего войной», способного отдавать соответствующие директивы и следить за их выполнением. Без этого союзники должны вести «серьезнейшее по своим последствиям сражение, недостаточно подготовленное, недостаточно организованное, недостаточно управляемое».

Первые его слова, после того как я вручил ему свою записку, были: «Вы меня не покинули в беде! Я согласен с Хейгом и Петэном; что еще можно сказать?» — «Нет, г-н председатель,— ответил я ему,— я вас не покину, но необходимо, чтобы каждый немедленно взял на себя свою долю ответственности, вот почему я передаю вам эту записку».

В качестве начальника генерального штаба я был военным советником французского правительства. В то время как происходили важные события, я не мог оставаться бесстрастным зрителем непосредственно угрожающей катастрофы; каждый должен был взять на себя свою долю ответственности, а французское правительство должно было хорошо понять, что многократные разговоры председателя совета министров с Петэном или Хейгом не дадут союзным армиям возможности провести большое, продолжительное и тяжелое сражение. Для решения дела надо было как можно скорее

создать руководящий орган, целиком и полностью предназначенный для ведения войны, выбранный для этой цели союзными правительствами и ответственный перед ними, обладающий опытом, авторитетом, знанием обстановки; надо было также организовать соответствующие штабы, иначе борьба окончилась бы раздроблением усилий, катастрофой.

Таким органом не могли быть ни Версальский исполнительный комитет, лишенный 14 марта всяких средств, а следовательно, и всякой власти, ни, тем более, Высший военный совет правительств, решения которого неизбежно всегда плелись бы в хвосте событий.

Эту необходимость в тот же день признал и фельдмаршал Хейг.

24 марта около 23 час., когда и у него уже не могло быть сомнений относительно намерений французского главного командования, он телеграфировал в Лондон начальнику имперского генерального штаба, прося его немедленно приехать во Францию, чтобы добиться возможно скорейшего назначения верховного командующего всем Западным фронтом.

В ответ на этот призыв ген. Вилсон утром 25-го высадился в Булони. Ему предшествовал член британского военного кабинета лорд Милнер, прибывший накануне в Версаль по распоряжению Ллойд-Джоржа, «чтобы представить кабинету личный доклад об обстановке».

Воспользовавшись приездом во Францию этих двух английских государственных деятелей, Клемансо устроил днем 25 марта совещание в ставке французского главнокомандующего в Компьене. К сожалению, ни ген. Вилсон, ни фельдмаршал Хейг, задержавшийся в Абвиле, не смогли приехать на это совещание. И фактически в этот день имели место два совещания: одно — в Компьене, на котором присутствовал я с президентом республики, Клемансо, Лушером, лордом Милнером и ген. Петэнном; другое — в Абвиле с ген. Вилсоном, фельдмаршалом Хейгом и начальником моего штаба ген. Вейганом.

На совещании в Компьене ген. Петэн доложил о состоянии глубокой дезорганизации, в котором находилась британская 5-я армия, и мерах, принятых им для оказания ей помощи; о посылке 15 дивизий, из которых шесть уже ввязались в сильные бои; он заявил также, что в данную минуту он больше ничего не может сделать ввиду необходимости оборо-

нять дорогу на Париж, которая оказался под угрозой со стороны долины Уазы, а быть может, и со стороны Шампани. Когда мне предложили высказать свою точку зрения, я указал, как и в своей записке, поданной накануне, что наибольшая опасность грозит в направлении Амьена, где германское наступление привело к прорыву франко-британского фронта, создало широкий разрыв, первым последствием которого явилось отделение британской армии от французской, что надо во что бы то ни стало восстановить этот фронт, хотя бы ценой некоторого риска на других участках фронта. Подвести туда столько дивизий, сколько необходимо, чтобы заполнить разрыв, и сделать это быстро — вот, по моему мнению, необходимая линия поведения и цель общих усилий.

В какой мере англичане могли способствовать выполнению этой задачи? Лорд Милнер, за отсутствием своих военных советников, не смог ответить на этот вопрос, заданный ему Клемансо. Он предложил созвать на следующий день, 26 марта, новое совещание с участием английских генералов. Поэтому мы около 17 час. разъехались из Компьена, назначив это совещание на 11 час. следующего дня в Дюри.

Между тем, в то время как совещание в Компьене закончилось безрезультатно, фельдмаршал Хейг переговорил с ген. Вилсоном и, сознавая опасность, которой грозило Антанте отделение британской армии от французской, убежденный в необходимости любой ценой предотвратить это отделение, он предложил начальнику имперского генерального штаба, чтобы ген. Фош был немедленно назначен главнокомандующим.

Вилсон в тот же день приехал в Версаль, переговорил с лордом Милнером, а затем около 23 час. явился ко мне в Париж. Он предложил мне доверить Клемансо, техническим советником которого должен был сделаться я, «обеспечение более тесного взаимодействия между армиями и наилучшего использования всех имеющихся налицо резервов».

Мне без большого труда удалось объяснить ему, насколько нежелательным было бы осуществление этого проекта, так как вместо того, чтобы упростить дело, он мог еще более затруднить положение. Мои взгляды, высказанные во время этой беседы, ясно сформулированы в записке лорда Милнера: «Что же касается ген. Фоша, то у него нет никакого желания чем-нибудь командовать. Он только просит, чтобы обоими правительствами на него была твердо возложена задача обес-

печивать возможно более полное сотрудничество обоих главнокомандующих. Другими словами, он просил для себя примерно такого же положения, какое он занимал когда-то во время сражения под Ипром (в 1914 г.), когда маршал Жоффе поручил ему добиться, если возможно, более тесного взаимодействия между англичанами и французами. Только в настоящее время он хотел быть уполномоченным на это высшей властью обоих союзных правительств». Лорд Милнер и Вилсон были согласны в том, что при данных обстоятельствах это было наилучшим решением.

* * *

Так приблизительно стоял вопрос утром 26 марта, когда открылось совещание в Дулане¹.

Когда я около 11 ч. 30 м. приехал в этот город, фельд-маршал Хейг принимал доклады командующих своих армий в зале ратуши, где вскоре к нему присоединился лорд Милнер. Их совещание затянулось, и я имел время снова увидеть скромное помещение школы, где я расположился со своим штабом 6 октября 1914 г., чтобы следить за операцией, которая увлекала армии обоих противников на север. Как известно, она привела к сражениям на Изере и под Ипром и к окончательной остановке противника. Переносясь в эти уже далекие времена и сравнивая нынешние численный состав наших войск, наши оборонительные сооружения, наше вооружение и наши запасы в 1918 г. с тем, что мы имели в то время, я никак не мог допустить, что мы, настолько усилившиеся в 1918 г., дадим себя разбить там, где при относительном недостатке во всем мы победили в 1914 г. Формулу успеха мы должны были снова найти в согласованном использовании наших сил и средств и в укреплении морального состояния; при имеющихся у нас силах, чтобы остановить продвижение противника, нужна была прежде всего твердая воля главного командования. Я не сомневался в исходе дела при том условии, что я им буду руководить в духе тесного, энергичного сотрудничества союзных главнокомандующих, энергично направляемых и увлекаемых на последова-

¹ По просьбе Хейга, который должен был находиться в Дулане, куда он вызвал своих командующих армиями, местом совещания был назначен этот город вместо Дюри, избранного накануне.

тельно угрожаемые участки. Чего только мы ни достигли в 1914 г. на Изере и под Ипром, и при каких условиях! Эти мысли я высказал членам французского правительства в саду ратуши Дулана в ожидании открытия союзнической конференции, которая началась в ратуше в 12 ч. 45 м. В конференции участвовали с французской стороны: президент республики, Клемансо, Лушер, ген. Фош, Петэн, Вейган; с английской стороны: лорд Милнер, фельдмаршал Хейг, ген. Вилсон, Лоренс, Монтгомери.

С самого же начала конференции все единодушно признали, что Амьен должен быть спасен любой ценой, ибо там решается судьба войны. Я энергично высказался в этом смысле. Наш фронт был уже оттеснен до Брэ-сюр-Соммы в тылу фронта 1916 г. Надо было во что бы то ни стало не допустить дальнейшего отступления. Не уступать без боя ни одного дюйма территории, любой ценой, не щадя последних сил, удержаться на месте,— вот первый принцип, который надо было твердо установить и довести до сведения всех. Надо было возможно скорее обеспечить его осуществление, ускорив прибытие резервов и направив их на участок стыка между союзными армиями.

Между тем у англичан не было больше свободных войск, которые они могли бы послать к югу от Соммы, если только не снять их с участка Арраса, который был сильно атакован и об ослаблении которого нечего было и думать. Помощь могла притти только от французской армии.

Ген. Петэн на заданный вопрос изложил свой план. Он решил увеличить число дивизий, посылаемых в Пикардию; вместо 15 дивизий, о которых он говорил накануне на совещании в Компьене, он намеревался направить на Мондидье 24. Он надеялся, не утверждая этого наверняка, расширить, таким образом, свой фронт до Соммы; но это расширение могло быть лишь постепенным и медленным, так как перевозка войск, по 2 дивизии в сутки, требовала довольно продолжительного срока.

Лорд Милнер имел с Клемансо отдельный разговор, при котором он предложил поручить мне руководство операциями.

Председатель совета министров согласился на это и немедленно выработал текст, в силу которого на меня возлагалось согласование операций союзных сил «вокруг Амьена». Фельдмаршал Хейг, тотчас же заметивший узость и недостаточность этой формулировки, заявил, что она не отвечает цели.

Он потребовал распространения ее на британские и французские силы, действующие во Франции и Бельгии. В конце концов формулировка была распространена на все союзные силы, действующие на Западном фронте. Был принят следующий текст, который подписали лорд Милнер и Клемансо:

«Британское и французское правительства поручают ген. Фошу координировать действия союзных армий на Западном фронте. Для этого он должен договориться с главнокомандующими, которым предлагается доставлять все необходимые сведения».

В 14 ч. 30 м. Дуланская конференция закончилась. Мы отправились наскоро позавтракать в гостиницу «Четырех сыновей Эмона», которую я знал с 1914 г. Здесь, садясь за стол, Клемансо обратился ко мне со следующими словами: «Ну вот, теперь вы получили столь желанное положение!» Мне нетрудно было ответить ему, — и Лушер поддержал меня, — что взять на себя руководство сражением, которое мы проигрывали уже семь дней подряд, не могло быть предметом желаний с моей стороны, но что ввиду опасности положения это было необходимо.

Глава вторая

Первые мероприятия командования

26 марта. Получив задачу, возложенную на меня обоими правительствами, я выработал общий план действий:

1. Французские и британские войска остаются в тесной связи для прикрытия Амьена.

2. С этой целью войска, уже введенные в бой, во что бы то ни стало удерживают занятую ими местность.

3. Под их прикрытием французские дивизии, присланные на помощь, заканчивают выгрузку и будут использованы:

- а) прежде всего для подкрепления британской 5-й армии;
- б) затем для образования ударной массы в порядке, который будет указан впоследствии.

Вместо двух сражений — английского для прикрытия портов Ламанша и французского для прикрытия Парижа — мы сперва будем вести англо-французское сражение для прикрытия прежде всего Амьена, соединительного звена между обеими армиями.

Исходя из этих общих соображений, я разработал подроб-

ные мероприятия и, так как времени было в обрез, поехал лично к их главным исполнителям.

Так, около 16 час. я был в Дюри у командующего британской 5-й армией ген. Гофа и приказал ему любой ценой удерживать занимаемый им фронт, пока французские силы не сменят части его армии на его южном фланге.

Начальнику штаба командующего резервной группой армий ген. Файоля, ген. Бартельми, которого я также встретил в Дюри, я отдал аналогичную директиву, «чтобы любой ценой обеспечить защиту Амьена».

Я просил делегата связи штаба главнокомандующего майора Муарана доложить об этих директивах ген. Петэну.

Наконец, я передал по телефону командующему 1-й армией ген. Дебенэ мои распоряжения относительно его образа действий.

Эта армия, еще формировавшаяся в районе западнее Мондидье, должна была сыграть особенно важную роль. В данное время от нее-то и зависело восстановление непрерывного франко-британского фронта. Поэтому, не ограничиваясь разговором по телефону, я поехал из Дюри в Менъелэ, чтобы лично повидаться с ген. Дебенэ и еще раз точно указать ему его задачу: немедленно ввести в дело имеющиеся у него части, чтобы сменить британский 18-й корпус и передать смененные части этого корпуса в распоряжение ген. Гофа, который использует их в качестве резерва; во что бы то ни стало держаться на занимаемой сейчас линии, связавшись с английским правым флангом в районе Рувруа.

Я, таким образом, к вечеру 26 марта информировал о своих намерениях всех командующих, войска которых были введены в бой.

Впрочем, в этот вечер ген. Петэн, в отмену своей директивы от 24 марта, приказал Файолю прикрывать Амьен и держать связь с силами фельдмаршала Хейга. Кроме того, он приказал перевезти в район резервной группы армий 10 дивизий и 4 полка тяжелой артиллерии, изъятые из других групп армий.

27 марта. 27-го, переночевав в Париже, я, попрежнему в сопровождении ген. Вейгана и полк. Дестикера, снова поехал на фронт. Однако перед отъездом я написал ген. Петэну личное письмо, в котором настаивал на указанном характере наших действий и просил его объяснить французским армиям необходимость этих действий.

Схема 13

Прежде всего я поехал в Клермон, в штаб командующего 3-й армией ген. Энбера. Там я встретился с ген. Файолем. Я повторил свои директивы, проникнутые все той же идеей держаться во что бы то ни стало, организовываться на месте, не думая о смене, пока не будут достигнуты первые результаты.

В 12 ч. 30 м. я поехал в Дюри к ген. Гофу.

Связь между британским правым и французским левым флангами мне показалась плохо обеспеченной вследствие слишком поспешного отхода некоторых частей британского 18-го корпуса. Поэтому я приказал командующему левофланговой группой французской 1-й армии ген. Мепль принять новые меры и просил Гофа лично проследить, чтобы британский 18-й корпус учитывал наши директивы и обеспечивал их выполнение.

Оттуда я отправился в Бокен к командующему британской 3-й армией ген. Бингу. Он изложил мне свое мнение о положении своей армии. В настоящее время оно не внушало ему опасений, и он заявил, что вполне согласен со мной относительно необходимости оказывать сопротивление на месте, назначив для этого все имеющиеся в распоряжении силы.

Ясно, что за неимением общего резерва, введение которого в дело могло бы сразу восстановить положение, необходимо было как можно скорее спаять отдельные участки союзного фронта, разбитого германским наступлением и вследствие этого растянувшегося; в этом должны были без малейшего промедления участвовать совместно как отступающие войска, так и вновь прибывающие резервы, независимо от их национальности, временно оставив всякую мысль о смене. Без этого нельзя было бы остановить противника раньше чем через несколько дней. Можно было добиться быстрого восстановления фронта и решительной перемены образа действий обеих союзных армий только непосредственным вмешательством союзного главного командования.

Вернувшись вечером в Клермон, я узнал, что немцы, выдвинувшись из Руа и просочившись между французскими 1-й и 2-й армиями, между которыми еще не удалось создать прочный стык, овладели Мондидье.

Несмотря на всю серьезность положения, оно, по счастью, компенсировалось некоторыми благоприятными результатами, которые позволяли надеяться, что 27 марта будет днем наи-

высшего развития кризиса и что опасность, которая уже целую неделю угрожала союзникам, вскоре будет устранена.

Фронт наступления немцев не только не расширился, а, наоборот, с каждым днем суживался благодаря стойкости британской 3-й армии, уцепившейся на севере за опорный пункт Аррас, и французской 3-й армии, державшейся на юге в лесном массиве Рибекур-Ласиньи.

Между этими двумя центрами сопротивления район натиска противника в западном направлении постепенно суживался по фронту и растягивался в глубину. Его уже трудно было питать из тыла. Район, в котором шло наступление, был местом сражения на Сомме в 1916 г.; это была развороченная, разрытая, опустошенная местность, на которой немногие имевшиеся пути сообщения были окончательно приведены в негодность во время последнего сражения. Наступление, постепенно выдыхавшееся вследствие этого, неизбежно должно было остановиться перед восстановленной на его пути организованной системой обороны.

К тому же французские дивизии, присланные для подкрепления, выгружались непрерывно. Тогда как первые прибывшие дивизии поступали в состав 1-й армии, остальные должны были образовать в районе Бовэ ударную массу, находящуюся в распоряжении главного командования.

Английская 5-я армия должна была получить нового командующего Ролинсона, энергичного и способного генерала, который вернул бы ей веру в свои силы. Из Англии прибывали крупные подкрепления (75 000 человек). Три британские дивизии, уже укомплектованные, сменили на спокойных участках свежие дивизии, которые должны были принять участие в сражении.

Вскоре первоначальная растерянность сменилась планомерной подготовкой.

28 марта. Днем 28 марта противник сосредоточил свои главные усилия на плато Сантер между долинами Соммы и Авра. На этой легко проходимой местности немцам удалось продвинуться вперед в направлении на Амьен, оттеснив правый фланг все еще неустойчивой британской 5-й армии.

Ген. Дебенэ еще не смог подвести достаточно сил, чтобы подкрепить ее. Глубокое продвижение противника на Мондидье заставило Дебенэ направить туда первые свои резервы. Они энергично вмешались в ход сражения и даже отбили у противника несколько селений: Мениль-Сен-Жорж, ле Мон-

шель, Асенвиллер; однако борьба продолжалась с прежним ожесточением, и опасность еще не была полностью предотвращена. Чтобы избежать ее, командующему 1-й армией пришлось отсрочить смену британских сил к югу от Соммы; британская 5-я армия должна была, хотя бы на ближайшее время, оставаться на фронте и восстанавливаться на месте.

Но, несмотря на все, необходимо было усиление нашего сопротивления по всему фронту. Это должно было стать нерушимым принципом, который я неустанно внушал всем.

Так, ген. Гоф, который сначала намеревался отвести свой штаб в тыл, оставил его на месте.

Ген. Петэн, отвергнув всякую мысль о возможном отделении английских сил от резервной группы армий, что привело бы к потере Амьена, приказал последней «держаться во что бы то ни стало на теперешних позициях.., как можно скорее отбросить противника на значительное расстояние от Амьена и Мондидье и во всяком случае обеспечивать связь с английскими армиями».

Наконец, ген. Файоль перевел свой штаб из Вербери в Бовэ, чтобы приблизиться к самому критическому пункту сражения — левому флангу французской 1-й армии, где был стык с англичанами.

Между тем в тылу, в районе Бовэ, продолжалось формирование французских резервов; необходимо было обеспечить их организацию и управление. Для этого ген. Петэн уже снял с фронта в Шампани штаб 5-й армии. На совещании, происходившем в Клермоне 28-го после полудня между Петэном, министрами Клемансо, Лушером и мною, было также решено отозвать из Италии штаб 10-й армии.

За несколько часов до того ген. Першинг, по собственному почину, приехал ко мне предложить свою непосредственную помощь немедленным вводом в дело уже обученных американских дивизий.

29 марта. В течение 29 марта район германских атак еще сузился. Теперь он охватывал только участок фронта между Мондидье и шоссе Амьен, Перонн. Если в районе Мондидье эти атаки потерпели почти полную неудачу и противник лишь немного продвинулся вперед к северо-западу от города, они имели более значительный успех между р. Авр и шоссе Амьен, Перонн. Там английская правофланговая группа и отряд Мепля были отброшены на линию Марселькав, Виллер-оз'Эрабль.

Несмотря на этот отход, положение союзников продолжало улучшаться. В 1-ю армию прибыли пять свежих дивизий; эта армия уже смогла полностью сменить британский 18-й корпус (правофланговый корпус 5-й армии). Части британского 3-го корпуса, еще дравшиеся совместно с французской 3-й армией, присоединились к английской армии, за исключением одной дивизии (58-й), временно удержанной к югу от Уазы.

Таким образом, фельдмаршал Хейг оказался благодаря этому в состоянии восстановить свои резервы, а следовательно, и привести в порядок свою 5-ю армию, не снимая ее с фронта. После разговора, который я имел с ним в Абвиле, ген. Ролинсону было предписано во что бы то ни стало удерживать свой фронт к югу от Соммы. Это не могло представить затруднений, так как теперь его фронт значительно сократился.

Вечером 29 марта я устроился со своим штабом в Бовэ, где с утра работал штаб ген. Файоля и куда через четыре дня перенес свой командный пункт ген. Петэн.

Окончание сражения под Мондидье, Амьеном. С 26 марта моя работа протекала в условиях чрезвычайной спешки. Я объезжал штабы и указывал задачу данного момента — восстановить расстроенный фронт.

Теперь сопротивление можно было организовывать планомерно. Надо было установить общие правила, по которым должно было вести сражение.

С этой целью я отдал главнокомандующим общую директиву, которая явилась синтезом отдельных директив, отданных мною с 26 марта. Основной целью общих усилий оставалось попрежнему «поддержание тесной связи между британской и французской армиями, обеспеченное в особенности обладанием Амьеном, а затем и полной ликвидацией угрозы этому городу».

Этой цели надо было добиваться следующими мерами:

- 1) удержанием и укреплением прочного оборонительного фронта на занятых в настоящее время позициях;
- 2) созданием к северу от Амьена для англичан и к северо-западу от Бовэ для французов сильных ударных резервов, предназначенных для отражения наступления противника или для перехода в наступление.

Чтобы возможно быстрее создать такую ударную массу возможно большей численности, приходилось решительно снимать часть войск с неатакованных участков фронта.

Но в то самое время, как эта директива была получена по назначению, противник удвоил свои усилия. 30 марта он возобновил и расширил свои атаки, действуя по обе стороны Мондидье на фронте между шоссе Амьен, Перонн и Ласиньи. Таким образом, он начинал в сущности второе сражение, тогда как мы еще не успели прочно устроиться на наших позициях; однако, несмотря на введенные в бой большие силы и средства, он добился еще меньших результатов, чем накануне. Он лишь немного продвинулся вперед в долине р. Авр в направлении на Морей и восточнее Мондидье в районе Ролло, Руа-сюр-Мас.

На другой день, 31 марта, он возобновил свои наступательные действия, но, прикованный к месту сопротивлением и контратаками союзных войск, он лишь очень незначительно продвинулся вперед в низине р. Люс между Морей и Марселькав. Правда, это продвижение имело место на особо чувствительном участке, в направлении на Амьен, на еще непрочном стыке французской и английской армий. Чтобы отвлечь угрозу, мы обеспечили британской 5-й армии возможность во что бы то ни стало сопротивляться на занимаемых ею позициях, придав ей достаточные силы для выполнения ее задачи. Кроме того, французская 1-я армия растянула свой фронт до Ангара.

Как бы то ни было, сражение под Амьеном — Мондидье, очевидно, подходило к концу. 1 апреля вечером я написал председателю совета министров: «С сегодняшнего дня инициатива противника, повидимому, задержана и парализована».

На самом же деле противник после краткой передышки еще раз с большой силой атаковал 4 апреля позиции британской 4-й армии¹ и французской 1-й армии между Соммой и Мондидье.

Центр британской 4-й армии был отброшен на Виллер — Бретоне. Французская 1-я армия значительно отодвинулась назад, на плато Руврель; впрочем, на другой день, 5 апреля, она контратаками вернула себе часть потерянного пространства.

Но уже произошло событие первостепенной важности: связь между обеими армиями была надежно установлена в районе Ангара. Чтобы окончательно обеспечить эту связь, ген. Ролинсону было предложено использовать свои резервы и свобод-

---

¹ Фельдмаршал Хейг переименовал 5-ю армию, восстановленную под командой Ролинсона, в 4-ю.

ную артиллерию для поддержки французского левого фланга. Руководствуясь аналогичными соображениями и чтобы яснее подчеркнуть нашу волю не уступать пространства, я просил Хейга повлиять на Ролинсона и не дать ему перевести свой штаб в тыл, как он намеревался сделать.

В этот день меня посетили в Бовэ Клемансо, Лушер, Уинстон Черчилль, а затем и президент республики; это показывает, какая тревога царила в правительственных кругах союзников.

Теперь немцы больше не могли надеяться получить серьезные результаты от происходившего сражения. Ввиду усиления союзников атаки немцев становились все более трудными и обходились им все дороже, так что вскоре они были вынуждены прекратить атаки, не достигнув намеченных стратегических целей. Им не удалось отделить французскую армию от английской.

Чтобы закончить сражение легким успехом, они 6 апреля решили овладеть небольшим участком, который французская 6-я армия занимала к западу от Сен-Гобэна между Уазой и каналом р. Элет. Впрочем, эта атака противника была заранее известна, и 6-я армия, занимавшая далеко вперед выдвинутое положение, держала к северу от канала р. Элет лишь слабое боевое охранение. Наступавшие немцы встретили только отдельные разбросанные подразделения, которые отошли с боем; однако немцы продвигались вперед очень осмотрительно и только через 4 дня дошли до р. Элет (6—9 апреля).

Глава третья

Соглашение в Бовэ

Учитывая обстановку, создавшуюся в связи с прекращением неприятельского наступления и усилением союзных войск к югу от Соммы и полученные сведения о противнике, я составил следующий прогноз:

1. Противник, остановившийся на фронте от Уазы до Арраса, мог возобновить свои атаки с трудом южнее Соммы, с большей легкостью — севернее ее. Поэтому надо было организовать особенно устойчивую оборону между Соммой и Аррасом, что должно было являться заботой британского командования.

Необходимо было также, чтобы французские резервы, собранные в районе Бовэ, могли быть введены в дело к северу от Соммы и чтобы их перевозка была подготовлена заранее, что лежало на обязанности французского командования.

2. Каков бы ни был образ действий немцев, мы должны были как можно скорее перейти в наступление к югу от Соммы, чтобы оттеснить противника от железной дороги Париж — Амьен и амьенского железнодорожного узла, имевших первостепенное значение для наших сообщений и снабжения.

С этой целью французские войска должны перейти в наступление в районе Мондидье, чтобы отбросить противника на Руа, а британские войска перейти в наступление по обе стороны от Соммы, чтобы ликвидировать угрозу Амьену. Таким образом, приходилось предусматривать для союзных армий наступательную операцию, организовывать для них не только пассивный, направленный на консолидацию фронта образ действий, навязанный им развитием событий с 21 марта, но и активные действия.

Однако для того, чтобы организовать активную операцию, руководить ею, вдохновлять ее, побуждать главнокомандующих развивать ее, а также чтобы добиться правильного распределения сил, полномочия, которые я имел в результате Дуланского соглашения, становились явно недостаточными. Они были недостаточными даже для ограниченных оборонительных операций, которые велись в данное время; тем более они оказались бы недостаточными в ближайшем будущем, когда мне пришлось бы принимать решения относительно стратегического использования союзных сил, обновленных и увеличившихся благодаря американской помощи, определять в зависимости от обстановки точку приложения этих сил, распределять наступательные и оборонительные задачи, быть может, даже производить обмен войсками между французским и итальянским фронтами.

Роль простого координатора не могла соответствовать расширенному плану действий, который мы неизбежно должны были принять в ближайшем будущем. Она предоставляла слишком мало инициативы исполнявшему эту роль начальнику, чтобы позволить ему быстро и энергично реагировать на возможные случайности, возникающие в процессе оборонительного сражения, или организовать и предпринять серьезные наступательные операции. Эту роль надо было превратить

в роль руководящего органа. Чтобы получить от этого между-союзнического органа, созданного в Дулане доверием правительств, все, чего ждали от него, необходимо было теперь же расширить его полномочия, передать ему стратегическое руководство на Западном фронте, подтвердить его власть над союзными главнокомандующими, распространить эту власть на все войска, сражающиеся от Северного моря до Адриатики.

Нескольких дней было достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности Дуланского соглашения. Как интересы настоящей минуты, так и будущее коалиции требовали его немедленного пересмотра.

В этом смысле я и поставил вопрос перед председателем совета министров и просил его о дополнении решения, принятого 26 марта британским и французским правительствами.

Клемансо, переговорив со мной по этому поводу 1 апреля, решил созвать новую конференцию, на которую пригласил, кроме английских и французских представителей, также представителей Америки.

На этой конференции, 3 апреля, в ратуше, в Бовэ было вынесено следующее решение:

«Ген. Фошу поручено британским, французским и американским правительствами координировать действия союзных армий на Западном фронте; для этого ему даются все необходимые полномочия для обеспечения эффективности его работы. С этой целью британское, французское и американское правительства поручают ген. Фошу общее руководство (*direction stratégique*) военными операциями.

Главкомандующие британской, французской и американской армиями осуществляют во всей полноте управление (*conduite tactique*) каждый своей армией. Каждый главнокомандующий будет иметь право принести жалобу своему правительству, если, по его мнению, его армия окажется в опасном положении вследствие какой-либо директивы, полученной от ген. Фоша».

На эту конференцию приехал из Лондона Ллойд-Джордж. Высадившись в Булони, он приехал на автомобиле к нам в Бовэ, где находился также Клемансо, причем по пути ему пришлось пересекать дороги, по которым отходили снятые с фронта английские войска. Очевидно, беспорядок и низкое моральное состояние этих войск не могли дать ему особенно благоприятной картины обстановки. Не говоря уже о значи-

тельном опоздании, он приехал в Бовэ с самыми мрачными впечатлениями.

Будучи в таком настроении, он во время конференции заявил мне: «Английский народ доверяет вам. Нигде ваше значение главнокомандующим союзными армиями не было принято так хорошо, как в моей стране». А затем, по окончании конференции, он вдруг спросил меня: «А теперь, за кого же мне держать пари? За Людендорфа или за Фоша?» На что я спокойно ответил ему: «Пока что можете держать за меня; вы выиграете. Людендорфу нужно прорвать наш фронт,— это ему уже не удастся, а мы должны остановить его, что мы, несомненно, и сделаем. Впоследствии, когда нам придется прорывать его фронт, надо будет подумать; мы посмотрим, на что мы способны». На этом наш разговор закончился.

* * *

Хотя решение, принятое в Бовэ, не вполне отвечало моим предложениям, так как фактически моя власть не распространялась ни на весь Западный фронт от Северного до Адриатического моря, ни на все войска, сражавшиеся на этом фронте, однако оно в основном содержало все то, что было необходимо для ведения американской, британской и французской армиями сражения на фронте во Франции, т. е. на главном театре военных действий. Уверенный в том, что британское и американское правительства согласятся на эту новую формулу, Клемансо несомненно хотел, чтобы выиграть время, на первых порах ограничить сферу деятельности общесоюзного главнокомандующего этим театром и этими армиями; добившись этого результата, он рассчитывал впоследствии распространить соглашение в Бовэ на итальянский театр и итальянскую армию, с одной стороны, и на бельгийскую армию — с другой.

Вопрос об Италии рассматривался Высшим военным советом 2 мая в Абвиле.

Орландо и Соннино¹ заявили от имени итальянского правительства, что не могут безоговорочно принять текст соглашения в Бовэ, и предложили примирительную формулу, устанавливавшую различие между итальянским фронтом и командо-

---

¹ Итальянский премьер и итальянский министр иностранных дел. — Прим. перев.

ванием итальянской армией. Эта формула, которую приняли затем и остальные правительства, заключалось в следующем:

1) итальянский фронт теперь же подчиняется полномочиям ген. Фоша в смысле согласования операций в том виде, в каком эти полномочия определены соглашением в Дулане;

2) однако главное командование итальянской армией будет передано этому генералу лишь в том случае, если обстановка потребует присутствия за Альпами других союзных армий, которые будут сражаться там под его командованием в тех же условиях, как во Франции.

Ограничение, внесенное таким образом итальянским правительством, тем не менее предоставляло междусоюзническому командованию право наблюдения за итальянским фронтом и возможность, если оно сочтет это нужным, использовать заальпийский театр для осуществления своих стратегических планов.

Что же касается бельгийской армии, то этот вопрос обсуждался Высшим военным советом в Версале 3 июля, в то время как союзные армии готовились к переходу в наступление во Франции. Так как можно было предвидеть, что бельгийские дивизии будут привлечены к активному участию в этом наступлении, то было желательно, чтобы и они, как и остальные союзные дивизии, находились в моем распоряжении. Но добиться этого не удалось, так как начальник штаба бельгийской армии ген.-лейт. Жиллен категорически отказал в своем согласии, сославшись на конституцию своей страны.

Спустя несколько недель бельгийский король безоговорочно согласился руководить во Фландрии операциями союзных бельгийских, французских, английских и американских войск по директивам союзного главного командования.

* * *

Чтобы покончить с этим вопросом общесоюзного командования, следует добавить, что решением правительств от 2 мая был упразднен Исполнительный комитет, созданный за 3 месяца до того и теперь утративший свое значение. 14 мая я официально получил звание главнокомандующего союзными армиями во Франции.

Но все это были только официальные документы, устанавливавшие права на бумаге. Оставалось еще увидеть созданное таким образом общесоюзное командование в действии. Да

позволено мне будет повторить то, что я сказал после описания сражения под Ипром: такое командование может черпать необходимые для его существования силы исключительно в доверии, оказываемом ему подчиненными ему армиями разных государств, в согласии, которое оно во что бы то ни стало должно поддерживать с ними и между ними и которое оно будет укреплять и расширять единственно для торжества общего дела.

Во всяком случае, в первых числах апреля 1918 г. приходилось, не теряя времени, укреплять с очень ослабленными борьбой войсками весьма непрочное положение на фронте, удлинившемся вследствие успехов противника.

Глава четвертая

Восстановление положения союзников на Сомме и германский удар во Фландрии

Добившись первого результата — быстрого заполнения импровизированными средствами огромного разрыва, образовавшегося во франко-британском фронте в результате германского наступления 21 марта, надо было прежде всего укрепить новый фронт планомерной организацией обороны и созданием резервов. Надо было также обеспечить потребности войск и населения, отняв у противника наступательными действиями некоторые захваченные им участки территории.

Отсюда директивы от 3 апреля Хейгу и Петэну, с одной стороны, относительно создания прочного фронта к северу от Соммы, с другой — относительно наступления к югу от этой реки с целью ликвидировать угрозу Амьену:

«В настоящее время противник задержан на фронте от Арраса до Уазы. На этом фронте он может снова перейти в наступление:

а) легко — к северу от Соммы и, в особенности в районе Арраса благодаря многочисленным железнодорожным линиям, которыми он располагает;

б) с большим трудом — на юге, так как здесь он захватил меньше железных дорог, да и те находятся в плохом состоянии и частично проходят в пределах досягаемости наших орудий...»

Поэтому мы могли ожидать:

«На фронте к северу от Соммы — наступления, и даже, может быть, сильного наступления.

На юге — наступления меньшего масштаба или в более отдаленном будущем.

С точки зрения наших интересов нам нужно было как можно скорее отгеснить противника:

- 1) от железной дороги Сен-Жюст, Бретэй, Амьен;
- 2) от железнодорожного узла Амьена.

А для этого мы должны были:

- 1) атаковать его к югу от Соммы в районе Мондидье;
- 2) атаковать его по обе стороны Соммы от р. Люс до р. Анкр».

Этим мы осуществляли бы основные идеи, руководившие до сих пор нашими операциями, а именно — укрепляли связь между французской и британской армиями и прикрывали Амьен.

С другой стороны, не претендуя на решающие результаты, мы могли, благодаря тому, что наш фронт образовывал входящий угол, нанести противнику серьезное поражение, перейдя в наступление на Сомме и к югу от нее, что было бы лучшим ответом на его возможное наступление к северу от этой реки.

«...Эти соображения приводят нас к следующему определению задач союзных армий на ближайший период операций:

1) наступление французских армий в районе Мондидье с целью ликвидировать угрозу железной дороге Сен-Жюст — Амьен и, используя выгодное начертание нашего фронта, отбросить противника к востоку в район р. Авр и продвигнуться к северу в направлении на Руа;

2) наступление английских армий по обе стороны Соммы от р. Люс до р. Анкр в восточном направлении с целью ликвидировать угрозу Амьену.

Было бы чрезвычайно желательно одновременно провести эти два наступления, направления которых очень удачно сочетаются.

Поэтому прошу главнокомандующих не отказать сообщить число месяца, когда они считают возможным приступить к этим операциям, которые важно провести в ближайшем будущем...»

Кроме того, чтобы парировать новые попытки противника к северу от Соммы, надо было провести там все оборонительные мероприятия как в смысле оборудования местности, так и в отношении резервов.

Поэтому британскому и французскому главнокомандующим

было предложено быстро оборудовать фронт между Аррасом и Альбером.

Из тех же соображений ген. Петэн должен был «держать французский резерв в районе к северу от Бовэ и подготовить его переброску на север...»

2 апреля после полудня я уже переговорил по этим вопросам с Петэном и обсудил с ним порядок проведения указанных мероприятий с французской стороны. 4 апреля ген. Вейтан в свою очередь отправился в Монтрей, чтобы рассмотреть совместно с Хейгом, каким образом британский штаб предполагает выполнить вышеприведенную директиву. Основной задачей фельдмаршала должна была быть в настоящее время оборона английского фронта от района Арраса до подступов к Сомме. Я особенно настаивал на этом в письме, которое я написал главнокомандующему британскими армиями. В этом письме я указал ему на то, что выступление французских резервов на английском фронте потребует еще некоторого времени; поэтому мероприятия английской армии должны позволить ей держаться даже в случае очень мощного наступления противника.

На основании последних разведывательных данных фельдмаршал ожидал очень сильного германского наступления на фронте Бетюн, Аррас. Он хотел, чтобы ему теперь же была оказана помощь французскими войсками либо в виде крупного наступления с целью отвлечь и поглотить угрожавшие ему свободные германские войска, либо в виде смены английских войск к югу от Соммы французскими, либо, наконец, путем образования французского резерва в английской зоне, в районе Сен-Поля.

7 апреля в Омале я обсудил с ним все эти вопросы, от души желая по возможности удовлетворить его, но в то же время озабоченный тем, как бы преждевременно не распылить или не израсходовать французские резервы. В конце этого совещания было решено, что 4 французские пехотные и 3 кавалерийские дивизии, выделенные из резерва в районе Бовэ, будут переведены в английскую зону, в район к западу от Амьена; там они будут находиться в готовности освободить британские резервы в случае сильного наступления противника в районе Арраса.

Что же касается подготовки к франко-британскому наступлению к югу от Соммы, то план его в общих чертах был уже выработан; я указал ближайшую цель: возможно скорее

снова овладеть фронтом Морей, Демюэн, Обанкур, Варфюзе. Я возложил на ген. Файоля задачу установить необходимое взаимодействие между французской 1-й и британской 4-й армиями.

На другой день, 8 апреля, Файоль пригласил в Бретэй ген. Дебенэ и Ролинсона и установил с ними порядок наступления, учитывая ограниченные силы британской 4-й армии; это наступление было в принципе назначено на 12 апреля. Но противник упредил нас в осуществлении этого плана. Действительно, 9 апреля немцы начали во Фландрии мощное наступление, которое поглотило британские и часть французских резервов.

Уже 10-го фельдмаршал Хейг сообщил мне, что я больше не должен рассчитывать на участие английской 4-й армии в наступлении к югу от Соммы, а ген. Петэн, которому было предложено продолжать подготовку к французскому наступлению на фронт Морей, Демюэн, расширив его в случае надобности к северу, донес, что сам ген. Файоль больше не располагает силами, достаточными для достижения успеха. Он должен был ограничиться частной операцией в районе Морей. Эта операция была с успехом проведена 18 апреля французской 1-й армией.

* * *

Германское наступление во Фландрии (9 апреля). С 9 апреля во Фландрии разыгрывалось новое большое сражение. В этот день германская 6-я армия (ф. Кваста) атаковала девятью дивизиями между Ля-Бассэ и Армантьером позиции, занятые тремя английскими и одной португальской дивизией (ген. Хорна).

Застигнутая во время смены частей, португальская дивизия была отброшена; в английском фронте образовался разрыв, противник продвинулся в центре на Лаванти, прошел через это селение и достиг р. Лис между Эстер и Сайи.

10-го он продолжал развивать свое наступление на севере в направлении на Мессин, вводя в дело еще 5 дивизий; таким образом, его наступление распространилось и на правый фланг британской 2-й армии (ген. Плюмера). В его руки попали Армантьер и Мессин; он перешел через р. Лис на фронте в 25 км от Ле-Тукэ до Эстера и продвинулся на запад в направлении на Азебрук, Сент-Омер.

С первого же дня германского наступления я был занят подготовкой выступления в британской зоне французского резерва, собиравшегося в то время к западу от Амьена. С этой целью было решено по соглашению с Хейгом, что для выхода в случае надобности и на северный берег Соммы в распоряжение этого резерва будут предоставлены мосты в Монтъере, Дрей-лез-Амьен, Аий-сюр-Сомм и Пикиньи.

Это решение не вполне удовлетворяло фельдмаршала. Находясь еще под впечатлением сражения в Пикардии, он считал, что впредь немцы будут направлять все свои удары на его войска; он рассчитывал на немедленную и более непосредственную поддержку со стороны французов. Но как ни хотелось мне восстановить уверенность англичан, я однако еще не мог вводить в дело французские дивизии, находившиеся в стадии сбора, не имея более ясного представления о замыслах противника. В наступлении, развивавшемся во Фландрии, участвовала до сих пор лишь незначительная часть свободных сил немцев; численность войск, введенных в дело противником, а также протяжение фронта и новое направление его наступления позволяли предполагать, что в данный момент он имеет в виду не столько наступление решительного характера, сколько диверсию, имеющую целью отвлечь резервы союзников и обеспечить более важную операцию, предпринятую в другом районе. Нам приходилось быть очень осторожными при использовании своих резервов. Фельдмаршал Хейг располагал достаточными силами (почти все британские дивизии второй линии), чтобы задержать немцев. Во всяком случае ни один участок территории, не атакованный противником, не будет очищен добровольно; на последнее обстоятельство я привлек особое внимание главного командования в Монтрее.

Однако надо было также предвидеть, что противнику, развивающему свое наступление во Фландрии в направлении на Сент-Омер или на Дюнкерк, может быть, удастся поглотить все английские резервы. Вернувшись тогда к своему первоначальному плану, он разовьет мощное наступление на Аррас, в направлении на Абвиль. Ясно было, что в этом случае французские резервы, сосредоточенные в настоящее время к югу от Соммы, окажутся слишком далеко от их вероятного района действий. Надо было без промедления передвинуть их на север. Поэтому, переговорив с ген. Петэном на его командном пункте после полудня 10 апреля, я приказал рас-

положить 10-ю армию¹ по обе стороны Соммы от Пикиньи до Амьена в направлении фронта Дулан, Аше, а 5-ю армию подтянуть вслед за ней до долины Бовэ, Бретэй.

Эта выжидательная группировка допускала два варианта использования сил, давая возможность перебросить французские резервы: в 24 часа на фронт в Артуа или в 48 час. на фронт во Фландрии.

Но фельдмаршал Хейг под впечатлением натиска противника на английские силы все же считал эти меры недостаточными и 10 апреля вечером написал мне письмо, в котором настоятельно просил, чтобы французы, сменив английские войска на части их фронта, приняли активное участие в сражении.

Беспокойство, ясно чувствовавшееся в письме фельдмаршала, побудило меня немедленно отправиться в Монтрей; во время беседы, которую я имел ночью с Хейгом, мы пришли к выводу, что смена английских войск потребовала бы недопустимого при данной обстановке срока. С другой стороны, приходится попрежнему опасаться германского наступления в Артуа, и поэтому необходимо как можно скорее иметь к северу от Соммы группу французских сил, готовую быстро выступить в дело в районе Арраса.

С этой целью ген. Петэну было предложено выдвинуть 12 апреля головы колонн 10-й армии на линию Виллер — Бокаж, а чтобы оказать англичанам существенную поддержку на севере, — перебросить по железной дороге на Дюнкерк французскую 133-ю дивизию.

* * *

Тревога Хейга не была лишена оснований. Противник, в целях немедленного использования успеха, достигнутого им 9 апреля, расширил фронт своего наступления. 11-го сражение распространилось на те 30 км, которые отделяют канал ля-Бассэ от Ипрского канала в Комине; противник усилился несколькими вновь прибывшими дивизиями. 14 апреля в наступлении участвовало уже 25 германских дивизий. Это усиление выразилось значительным продвижением противника в направлении на Азебрук. Переправившись через канал Лаве,

¹ В составе четырех дивизий, сосредоточенных к западу от Амьена под командой вернувшегося из Италии ген. Мэтра.

войска ген. ф. Кваста захватили Локон, Эстэр и, севернее, Холлебеке. Еще 12-го они овладели Мервилем и Мери, и их авангарды уже подходили к опушкам Ньепского леса. Таким образом, глубина их продвижения достигла 18 км.

При таком развитии сражения Хейг полагал, что он быстро израсходует свои резервы, и более чем когда-либо считал необходимой помощь французов во Фландрии.

11-го вечером он прислал ко мне в Саркюс начальника оперативного отдела своего штаба ген. Дэвидсона с письмом, в котором изложил мне состояние истощения британских сил и настаивал на необходимости «немедленно сосредоточить не менее четырех французских дивизий между Сент-Омером и Дюнкерком».

С ген. Дэвидсоном мы установили, что английские резервы, в том числе еще находившиеся на правом фланге английской армии, составляют 17 дивизий. Действуя совместно с французскими частями, перебрасываемыми на север, они должны позволить Хейгу восстановить положение при условии:

1) если противник будет сдерживаться на фронте минимальными силами;

2) если он будет окончательно задержан на линии гора Кеммель, Байель, Ньепский лес, долина р. Кларанс, Мон-Бернаншон, Энж (Hings);

3) если оборона будет поддержана организованной системой огня артиллерии, действующей преимущественно против флангов наступающего противника.

Однако, вводя в расчет сил, которыми Хейг мог располагать на р. Лис, английские дивизии, остававшиеся до сих пор в резерве в районе Арраса, я тем самым обязывался возложить оборону этого района в случае надобности на французские войска. Таким образом, я оказался вынужденным перевести 10-ю армию на север до линии Дулан, Вошель, которой она и достигла 13 апреля, перейдя в зону британских армий.

Со своей стороны, Петэн передвинул к северу, на линию Амьена, 5-ю армию, усиленную частями, выделенными из резервной группы армий, наступление которой в данный момент больше не предусматривалось; он перебросил также на запад Уазскую группу (2 дивизии), часть которой перешла на правый берег Уазы; наконец, он направил 1-й кавалерийский корпус Лез'Андели на Омаль.

Ген. Файоллю было предложено немедленно эшелонировать

свои резервы на левом фланге так, чтобы быть в состоянии в случае необходимости поддержать британскую 4-ю армию на участке Люс, Сомма.

Наконец, командующий 10-й армией, ген. Мэтр, получил инструкцию о своей вероятной задаче на фронте под Аррасом. Ему и британской 3-й армии была указана главная позиция сопротивления, которую в случае наступления противника надо было удерживать во что бы то ни стало; ему были также указаны его исходная группировка и способ участия в сражении.

Принимая эти общие меры для подготовки участия на всякий случай французских дивизий в оборонительных действиях между Аррасом и Соммой, я хотел насколько возможно поддержать британское главное командование, боровшееся с затруднениями материального и морального порядка, вызванными сражением во Фландрии. 12 апреля я решил усилить непосредственную помощь, которую я начал за два дня до того.

Я отдал 2-му кавалерийскому корпусу, находившемуся в резерве в районе Омаля, приказ выступить походным порядком и днем 13 апреля достигнуть Сент-Омера и там совместно с французской 133-й дивизией усилить британскую 2-ю армию.

Командир 2-го кавалерийского корпуса ген. Робийо явился ко мне в Саркюс¹ за распоряжениями, и, указывая ему его задачу в общем плане происходившего сражения, я особенно подчеркивал, что ему придется поддерживать связь между английскими 1-й и 2-й армиями.

Что же касается общего плана маневра, то я представлял его себе следующим образом:

1. Во что бы то ни стало удержаться на обоих флангах:

а) на севере — «постепенно заняв, примерно, линию горы Кеммель, Кассель, фронтом на юг»;

б) на юге — «постепенно заняв, примерно, линию Бетюн, Сент-Омер, фронтом на северо-восток».

2. Между этими прочно удерживаемыми флангами задерживать и затем остановить противника с фронта, «последовательно занимая на местности опорные пункты фронтом на восток».

Английские резервы были развернуты между каналом Ля-

¹ С 7 апреля мой штаб находился в Саркюсе (в 6 км к северо-западу от Гранвиле).

Бассэ и железной дорогой Азебрук, Лиль, т. е. на южном фланге района прорыва.

Теперь надо было обеспечить северный фланг, оборона которого имела особенно важное значение, так как, если бы противник овладел Фландрскими высотами и горой Кеммель, это явилось бы опасной угрозой для союзных сил, расположенных между Ипром и морем. Оборона этого фланга была возложена на ген. Плюмера и его 2-ю британскую армию; очень важно было придать им силы, необходимые для того, чтобы обеспечить эту оборону. Для этого и было решено послать туда французские 133-ю дивизию и 2-й кавалерийский корпус, но эта помощь могла вскоре оказаться недостаточной. Поэтому я просил ген. Петэна подготовить к переброске на север еще одну французскую дивизию из восстанавливаемых соединений; выбор пал на 28-ю дивизию.

Я просил также начальника штаба бельгийской армии предоставить в распоряжение ген. Плюмера те бельгийские соединения, которые не были необходимы для удержания фронта; к сожалению, бельгийское главное командование не удовлетворило этой просьбы.

Наконец, я послал своего помощника Дестикера передать ген. Плюмеру мои директивы, проследить за их выполнением и согласовывать действия французских соединений, переброшенных на север.

Теперь, когда оборона южного фланга была обеспечена, а оборона северного фланга постепенно налаживалась, надо было организовать сопротивление в центре. Для этого можно было прежде всего перевезти британский кавалерийский корпус в район Эр, откуда он будет «в состоянии помочь войскам этого района задержать движение немцев на Азебрук».

С другой стороны, коменданту Дюнкерка ген. Пофэн де-Сен-Морелю было предложено устроить наводнение от Сент-Омера до шоссе Дюнкерк, Фюрн через Ваттен и Берг, для того, чтобы остановить продвижение противника, если бы оно начало развиваться в направлении на Дюнкерк и Калэ, и для того, чтобы обеспечить Дюнкерк от внезапного нападения.

Наконец, днем 13 апреля я поехал в Рошикур, в штаб британской 1-й армии, и переговорил с ген. Хорном о принятых или подлежащих принятию мерах, имеющих целью задержать германское наступление в направлении на Азебрук и прикрыть горнопромышленный район Бетюна.

На следующий день, 14-го, в записке полк. Дестикеру я на-

стаивал на том, чтобы оборона Азебрука велась «как можно ближе к восточной опушке Ньепского леса».

Однако ввиду моего сдержанного образа действий английский штаб был озабочен следующим вопросом: «В случае новой неудачи,— говорил он,— какое направление намерены вы прикрывать? Будете ли вы в первую очередь обеспечивать защиту Парижа и Франции, отказавшись от защиты портов Ламанша — баз английской армии? Или же, чтобы прикрыть порты Ламанша, вы пренебрежете защитой Парижа?» На это я отвечал: «Я отнюдь не собираюсь отказываться от прикрытия пути на Париж, или пути к морским портам, или обнажать эти пути; первый необходим для французской армии, второй — для английской, а также для спасения бельгийской армии». «Но в конце концов,— возражали мне,— если неудача заставит вас сосредоточить свои силы на одном из этих расходящихся направлений, которым из них вы жертвуете?» Я отвечал: «Я рассчитываю не жертвовать ни тем, ни другим, ни путем на порты, ни путем на Париж, так как потеря одного из них означала бы уменьшение наших сил и ресурсов наполовину. Я стараюсь и буду всячески стремиться обеспечить оба направления. Мне кажется, что это возможно при том условии, что мы сразу не израсходуем всех наших свободных сил на атакованном в настоящее время направлении на порты». Перед нами возникла опасность израсходования последних свободных французских резервов на английском фронте, тогда как нам приходилось опасаться новых наступательных операций противника на других участках общего фронта. Во время разговора со мной в Абвиле утром 14 апреля,—разговора, при котором присутствовал лорд Милнер,—фельдмаршал Хейг снова упомянул об утомлении британской армии и о недостатке подкреплений. Он опять просил о том, чтобы французы сменили англичан на части их фронта. Мне пришлось ограничиться повторением доводов против этого решения: смена, произведенная во время сражения, приковала бы на все время смены как сменяющие, так и сменяемые части, и это в такую минуту, когда численность союзных резервов едва позволяла удерживать весь фронт. С другой стороны, под угрозой мощного германского наступления, которое могло быть предпринято на другом участке фронта, было бы большой ошибкой окончательно обрекать еще свободные французские резервы на более или менее пассивную роль. Сейчас они были нацелены и распре-

делены так, что могли активно вступить в дело на самом угрожаемом участке обширного поля сражения.

Я еще не мог также, несмотря на просьбу Хейга, подтянуть французскую 10-ю армию к северу на линию Бетюн, Лилер, передвинув вслед за ней и 5-ю армию. Было бы опасно обнажать район Артуа, а с другой стороны, казалось, что в настоящее время Хейг располагает во Фландрии достаточными силами. Действительно, кроме присланных ему французских соединений (двух пехотных и трех кавалерийских дивизий), у него только что освободились 2—3 британские дивизии вследствие сокращения фронта, явившегося результатом добровольного очищения Ипрского выступа к востоку от линии Биксхоотэ, Лангемарк, Холлебеке (13—15 апреля).

Желая во всяком случае поддержать английское главное командование, я приказал принять меры для ускорения вступления в дело французских войск на севере. Я приказал 10-й армии расположить одну из своих дивизий эшелонированно до района к северу от Фревана и подготовить аналогичное расположение для другой дивизии, которое позволило бы ей быстро поддержать британскую 1-ю армию на фронте канал Ля-Бассэ, Аррас или Бетюн, Азебрук.

Кроме того, чтобы дать Хейгу возможность увеличить свои резервы, я просил ген.-лейт. Жиллена предусмотреть и подготовить удлинение бельгийского фронта в сторону Ипра; 18 апреля бельгийская дивизия сменила одну дивизию и одну бригаду англичан к северу от этого города.

* * *

В то время как мы такими мерами усиливали нашу оборону во Фландрии, противник готовился нанести нам там новые удары.

После двухдневной передышки, в течение которой его наступление заметно замедлилось, он возобновил наступление в новом направлении; он, несомненно, понял, что, продолжая наступление в западном направлении, не овладев предварительно линией Фландрских высот, он подвергал серьезной опасности свой правый фланг. Поэтому он решил атаковать эту линию, прежде чем продолжать движение на Азебрук и Дюнкерк.

Вечером 15 апреля он предпринял против британской 2-й армии в северном направлении сильные атаки, в результате которых ему удалось захватить Байель и Вульвергем.

16-го он продолжал развивать свои усилия на еще более широком фронте, овладел Витсхаэте и Мессин и подошел к горе Кеммель почти на дистанцию атаки.

Сражение во Фландрии распространялось на север, и уже теперь германское наступление по своему масштабу, силе, а главное — по своему новому направлению, представляло, как мы уже отметили, серьезную угрозу для сил союзников, расположенных севернее Ипра.

Последним, в состав которых, в частности, входила вся бельгийская армия, грозила опасность оказаться отрезанными от своих баз и обреченными на полное бессилие.

Необходимо было как можно скорее предотвратить опасность, грозившую коалиции и северной оконечности ее фронта. Для этого, несмотря на транспортные затруднения, вытекающие из сокращения нашей железнодорожной сети в результате наступления 21 марта, первым делом надо было ускорить перевозку французских резервов во Фландрию. Поэтому я приказал:

— ген. Петэну — подготовить перевозку в район Берг еще одной дивизии, взятой, если нужно, из числа восстанавливаемых соединений;

— ген. Мэтру (10-я армия) — выдвинуть 16-го после полудня артиллерию и обозы 34-й дивизии на Норан-Фонтэс и быть готовым к переброске пехоты этой дивизии на автомобилях на рассвете 17-го.

После этого передвижения 16-й корпус, головной корпус 5-й армии, должен был перейти через Сомму и поступить в распоряжение командующего 10-й армией, задача которой была уже указана раньше.

Затем, чтобы лично оценить обстановку во Фландрии, я, переговорив в Абвиле с ген. Вилсоном и лордом Милнером, поехал в Бландек, в штаб британской 2-й армии. 16-го вечером я встретился с ген. Плюмером в Каппеле близ Касселя. Я приехал туда в полной темноте, с потушенными фарами, под грохот канонады, свидетельствовавшей о чрезвычайном усилении деятельности противника во Фландрии. Я застал там командира французского 2-го кав. корпуса ген. Робийо и полк. Дестикера, которого я послал вперед, чтобы выяснить положение свободных английских резервов. В 22 часа мы вернулись с ген. Плюмером в его штаб в Бландек, откуда я по телефону приказал ген. Вейгану, находившемуся в моем штабе в Саркюсе, отдать необходимые распоряжения для перевозки

34-й дивизии на автомобилях в Стэнворде на следующий день.

17-го утром на совещании с начальником имперского генерального штаба ген.-лейт. Вилсоном, соглашавшимся с мнением Хейга и Плюмера, британский штаб предложил постепенно отвести союзные войска во Фландрии до линии наводнений Эр, Сент-Омер, Фюрн. Я отказался пойти на такую меру, а также не мог разделить опасений Хейга относительно Дюнкеркского порта, об эвакуации и разрушении которого он уже подумывал.

По моему мнению, в настоящую минуту можно было говорить только о том, чтобы организовать и поддерживать сопротивление на месте, вызвав по мере необходимости французские резервы и используя бельгийские войска на их собственной территории. Эту же точку зрения я изложил бельгийскому королю и начальнику штаба бельгийской армии при свидании с ними 17-го днем; в том же духе была составлена директива ген. Плюмеру 18-го числа. Та же точка зрения легла в основу писем, которые я спустя несколько часов написал ген.-лейт. Жиллену и фельдмаршалу Хейгу, чтобы еще раз ясно определить образ действий бельгийской и 2-й английской армий при создавшейся обстановке. Та же точка зрения, наконец, была высказана в общей инструкции об основах оборонительного боя, изданной мною для союзных армий.

Впрочем, идея энергичной обороны не должна была исключать для командования обязанность предусматривать и готовить на случай неудачи одну или несколько тыловых линий, а также улучшать существующие оборонительные сооружения, как, например, имеющиеся на фронте английской 1-й армии от района Арраса до окрестностей Сент-Омера.

В то же время на совещании бельгийского и британского штабов мы предложили разработать вопрос «о смыкании последовательных английских позиций с существующими или намеченными оборонительными сооружениями бельгийской армии», а также о разграничительной линии, которую следует установить между обеими армиями. Наконец, на случай наступления противника в направлении от Ипра на Поперинге, использование союзных резервов, британского, бельгийского или французского, было предусмотрено общим планом, принятым по соглашению между заинтересованными командующими.

Все эти меры предосторожности не замедлили принести свои плоды.

С 17 по 20 апреля противник, тщетно повторяя свои атаки против союзного фронта к югу от Фландрских высот, понес тяжелые потери, но ничего не добился.

Но если германские потери были велики, то у англичан они были не меньше. О размерах этих потерь говорится в письме фельдмаршала Хейга от 18 апреля. По счастью, для продолжения борьбы в дело вступали новые силы, а именно — французские резервы. Так, после 34-й дивизии, переброшенной, как мы видели, 17 апреля, 18-го были подвезены 154-я и 39-я дивизии, а 23 апреля — 27-я дивизия. Вместе с войсками, уже находившимися на месте, они образовали Северную армейскую группу под командой ген. де-Митри. Численность этих французских сил — 5 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, — а также расширение бельгийского фронта к северу от Ипра позволили английской 2-й армии вывести из боя 7 дивизий и 16 бригад и, таким образом, дали ей возможность выполнить свою задачу.

Тем не менее на тот случай, если бы непрекращающийся нажим противника потребовал переброски во Фландрию новых французских дивизий, я теперь же приказал 10-й армии выдвинуть головы своих колонн — 16-й корпус (31-я и 32-я дивизии) — на линию Эшен (Heuchin), Перн. 10-я армия по-прежнему должна была оказать в случае необходимости поддержку в районе Арраса и разработать план использования части своих сил на фронте Канбрен, Бетюн, Робек.

В то же время 46-я и 47-я дивизии 5-й армии должны были выдвинуться вслед за 10-й армией на линии Виллер — Бокаж.

Таким образом, путем общего перемещения в сторону фланга произошло расширение района французских резервов к северу. Это было вызвано необходимостью поддерживать англичан во Фландрии и в случае необходимости действовать совместно с ними в районе Арраса, оставаясь в то же время в готовности принять участие в действиях на Сомме.

В самом деле, германская угроза этим двум направлениям не была еще полностью устранена; борьба на них могла снова разгореться с минуты на минуту; по расчетам французского штаба, противник располагал еще примерно 60 дивизиями, которые он мог использовать для не удавшейся до сих пор попытки отделить французские силы от английских.

* * *

И действительно, 23 апреля фронт к югу от Соммы, на котором в течение трех недель царил относительное затишье, был внезапно потревожен. Восемь германских дивизий, перейдя в наступление под покровом тумана, отняли Виллер-Бретонё у английской 4-й армии, Анггар — у французской 1-й армии и продвинулись непосредственно до подступов к Каши.

Захват противником Виллер-Бретонё должен был иметь самые неприятные последствия для нас. Он обеспечивал противника наблюдательными пунктами и позициями, с которых можно было бы в наилучших условиях предпринять обстрел, атаку и захват Арраса, т. е. значительно углубить по линии Соммы разрыв коммуникаций союзных армий и даже добиться разъединения этих армий.

Крупный населенный пункт Виллер-Бретонё явился бы в руках противника очень сильным опорным пунктом, если бы мы дали время укрепить его. Нам необходимо было без промедления отбить его любой ценой.

Поэтому немедленно по получении этого известия я написал ген. Ролинсону, предлагая ему приложить все усилия к тому, чтобы взять обратно Виллер-Бретонё, обладание которым имело для нас существенное значение, и договориться с ген. Дебенэ относительно контратаки. Ролинсон тотчас же принял соответствующие меры.

Контратака, возложенная на австралийские батальоны, была проведена в ночь с 24 на 25 апреля; австралийцы взяли приступом высоту и д. Виллер-Бретонё, тогда как правее Марокканская дивизия французской 1-й армии отбила некоторое пространство к северу от Анггара. Чтобы закрепить восстановленное положение, ген. Дебенэ продолжал продвижение вперед, а одновременно ген. Файоль передвинул 2 дивизии на север, чтобы быть в состоянии вступить в дело между Соммой и р. Люс. Все английские резервы были введены в бой вокруг Виллер-Бретонё, где понесли новые потери; еще 24-го вечером Хейг обратил на это мое внимание. Мы удовлетворили его требования, не только обещав ему в случае необходимости помощь французских резервов, расположенных, как сказано выше, но и сменив британский 3-й корпус — правофланговый корпус армии Ролинсона — частями французской 1-й армии.

В то же время я предложил Файолю с наибольшей энергией подготовить наступление 3-й армии в районе Мондидьё, так как, если бы удалось при этом наступлении продвинуться по ту сторону р. Авр, были бы перерезаны коммуникации противника к югу от Соммы, а следовательно, ликвидирована угроза на амьенском направлении.

В общем германский натиск на Виллер-Бретонё не получил дальнейшего развития. Со своей стороны, франко-британские контратаки после обратного захвата этого важного опорного пункта выдохлись в течение 25 и 26 апреля, и мы были окончательно задержаны на линии Виллер-Бретонё, дорога на Ангар, причем д. Ангар осталась в руках противника.

Все внимание пришлось снова обратить на Фландрию.

* * *

25 апреля кронпринц баварский снова атаковал между Байелем и Ипром правым флангом своей 6-й армии и левым флангом 4-й. Тогда как последняя выиграла пространство в направлении на Ипр, 6-я армия захватила Дранутр и угрожала Локру по дороге на Поперинге. В центре баварский альпийский корпус взял приступом Кеммель и гору Кеммель и, таким образом, утвердился в восточной части фламандских холмов. На следующий день, 26 апреля, продолжалась ожесточенная борьба на фронте Схерпенберг, Формезееле, но на этот раз противник не смог сколько-нибудь значительно продвинуться вперед. Союзные подкрепления прибывали непрерывно. 25-го в распоряжение командующего Северной группой прибыла 31-я дивизия 16-го корпуса, а также другая дивизия этого корпуса, 32-я, переброшенная на Фоканберж. В то же время я просил Петэна передать Северной армейской группе 2 полка полевой артиллерии и 12 дивизионов тяжелой артиллерии, а бельгийской армии — полк полевой артиллерии.

Значительная численность этих пополнений еще раз подтверждала наше желание в полной мере, до пределов возможного, поддержать британское главное командование, а также решимость во что бы то ни стало вести оборону на месте.

Действительно, во Фландрии нельзя было больше терять ни кусочка территории. Гора Кеммель находится всего в 40 км от Дюнкерка. Она командует над всей равниной до этого города. Если бы противник расположил на этой горе свою

тяжелую артиллерию, он мог бы не только сломить всякое сопротивление на пути к этому порту, т. е. выйти на берега Ламанша, чтобы нанести удар по нашим сообщениям с Англией, но и поставить под величайшую угрозу всю бельгийскую армию.

Однако мне удалось помешать англичанам отвести 27 апреля свой фронт в Ипрском выступе под самые стены города, что повлекло за собой отход бельгийского фронта до канала Иперле.

27-го после полудня я снова выехал на север, повидался с ген. Плюмером в Бландеке и ген. де-Митри в Эскельбеке, объяснив им серьезность положения и основные принципы, на которых должна строиться оборона при существующей обстановке. Я настаивал на необходимости расположения войск в их боевой группировке, с вполне определенной задачей, немедленно по их прибытии, так как вопросы о расквартировании должны уступать место тактическим требованиям.

Мне пришлось убедиться в огромных потерях союзных войск, подвергавшихся непрерывным атакам и бомбардировке с применением огромного количества химических снарядов¹. Чтобы возместить эти потери, я приказал перевезти во Фландрию еще 3 французские дивизии (32, 129, 168-ю), часть которых должна была сменить британский 22-й корпус, дошедший до крайнего предела истощения.

С другой стороны, я потребовал от ген. Петэна, чтобы он распорядился держать постоянно в тылу фронта Северной армейской группы 3 свежие французские дивизии до тех пор, пока этого будет требовать обстановка, но при этом оставить 4 дивизии в 10-й армии, в районе Дулан, Сен-Поль для парирования случайностей.

29 апреля противник атаковал высоты Красную, Черную и Схерпенберг, но был отброшен.

8 мая он произвел еще одну атаку на фронте в 3 км к юго-востоку от Дикебуша; это было изолированное действие, не получившее дальнейшего развития.

Сражение во Фландрии закончилось. Оно продолжалось больше месяца и отличалось силой и крайним упорством, с которыми противник наносил свои удары. Если глубина

---

¹ В частности, 23 апреля Хейг имел в своем собственном резерве только 2 дивизии, находившиеся в стадии восстановления, и 1 дивизию, выгружавшуюся после возвращения из Италии.

продвижения немцев была не так велика, как в марте на Сомме, то это объясняется тем, что здесь их объект — побережье — был ближе и что благодаря более быстрому подвозу войск нам удалось задержать их натиск. Действительно, опасность быть сброшенными в море заставляла союзные армии принимать бой на своей первой линии; они не могли организовать сопротивление в глубину за отсутствием пространства для маневрирования. Ввиду трудности своевременного подкрепления северной оконечности сильно поколебленного обширного фронта союзников несколько раз возникала серьезная опасность. Во всяком случае, если сражение не дало намеченных немцами стратегических результатов, то его можно было возобновить. Для противника могло оказаться выгодным возобновить свое продвижение, чтобы, несмотря на все, выйти на берег Ламанша и, расширив действия подводного флота в этом море, нарушить наши сообщения с Англией и изолировать Британскую державу. Сражение уже дало тактические результаты, несомненно, невыгодные для союзников.

После чувствительной потери пространства Фландрские высоты (Красная, Черная, Схерпенберг) — главный оплот обороны союзников на севере — оставались под непосредственной угрозой немцев, уже овладевших горой Кеммель. Надо было во что бы то ни стало обеспечить обладание высотами, иначе оборона оказалась бы под серьезной угрозой. Поэтому я обратил внимание ген. де-Митри на необходимость не только прочно организовать оборону высот, но и расширить занятое на них пространство до подошвы скатов, чтобы не позволить противнику окружить вершины и атаковать седловины. Частные операции, проведенные с этой целью Северной армейской группой 4 мая, позволили ей несколько продвинуться вперед.

Я также неустанно внушал необходимость оказывать сопротивление на месте, не помышляя о добровольном отходе. Я снова указал линию поведения и предписал, чтобы впредь, намечая отход в значительном масштабе, предварительно испрашивали моего согласия.

Наконец, возвращаясь к вопросу в целом, я в общей инструкции принципиального характера установил правила, которыми надо было руководствоваться при организации оборонительного сражения, чтобы единством доктрины привести союзников к единству действия.

Другим последствием сражения во Фландрии было то, что Бетюнский угольный бассейн оказался под обстрелом германской артиллерии. Это внесло значительное расстройство в эксплуатацию шахт, а следовательно, и в работу снабжавшихся ими военных заводов и железных дорог.

Наконец, сражение во Фландрии сопровождалось значительной убылью в личном составе. Британские резервы растаяли в нем, а из французских резервов было уже выделено в интересах англичан целых 10 дивизий.

Чтобы дать ген. Петэну возможность восстановить эти резервы, не ослабляя первой линии, я добился от фельдмаршала Хейга, чтобы английские дивизии, выведенные из боя, были переброшены на один из спокойных в настоящее время участков французского фронта, где они освободили бы таким образом столько же французских дивизий, могущих быть использованными для восстановления резервов. Но эту переброску удавалось осуществить лишь медленно. Так, Петэн получил на первых порах только 4 британские дивизии, образующие 9-й корпус. Этот корпус был придан французской 6-й армии и в середине мая расположился на фронте Краон, Луавр.

Другим, уже упомянутым последствием сражений, продолжавшихся уже целый месяц, было нарушение равновесия в общей группировке французских сил. В начале мая 47 французских дивизий находились к северу от Уазы (23—в первой линии и 24—в резерве), для обороны фронта от Уазы до швейцарской границы оставалось только 55 дивизий, а именно— 43 в первой линии и 12 в резерве.

Ген. Петэн обратил мое внимание на опасность этого положения.

Учитывая глубокое ослабление британской армии и принимая во внимание грозные последствия, которые могло бы иметь для союзников всегда возможное германское наступление на фронте от Уазы до р. Лис ввиду близости жизненно важных объектов, я оставил группу из четырех дивизий к северу от Соммы и другую группу такого же состава к югу от этой реки, без ущерба для соединений, которые надо было посылать во Фландрию для пополнения Северной армейской группы.

В то же время я делал все возможное, чтобы облегчить задачу французского командования, обратившись к американским войскам с просьбой, чтобы американские дивизии были

как можно скорее введены в бой или заняли хотя бы спокойные участки фронта. Американская 1-я дивизия была уже введена 26 апреля на фронте французской 1-й армии и вскоре доказала свои боевые качества, взяв приступом д. Кантины (28 мая). Я также просил ген. Першинга, чтобы его 26, 42 и 2-я дивизии были возможно скорее направлены на боевой фронт, а пехота 32, 3 и 5-й американских дивизий была использована для подкрепления французских дивизий, возвращавшихся ослабленными из боя, чтобы таким образом дать им возможность быстро вернуться на спокойные участки фронта. Наконец, я подал ему мысль о прикомандировании американских летчиков к французским авиаотрядам, где они продолжали бы свою тренировку и вместе с тем облегчили бы труд своих французских коллег.

Одновременно мы сократили потребности Северной армейской группы, ограничив также ее операции. Большие потери, которые она несла, казалось, не соответствовали достигнутому тактическим результатам. Несмотря на трудные условия борьбы, происходившей во Фландрии (в особенности интенсивность обстрела химическими снарядами), было ясно, что эти потери в значительной степени вызываются неопытностью войск и недостаточной бдительностью командования.

Таким образом, пришлось предписать ген. де-Митри ускорить исправление своего фронта, так чтобы занять прочное оборонительное положение, общий порядок которого ему также был указан.

С другой стороны, ген. Петэну было предложено возобновить боевую подготовку воинских частей и подразделений, пехотных и артиллерийских. Указано было, что необходимо поручить ее таким генералам и штаб-офицерам, которые, будучи вполне знакомы со всей практикой войны, уже проводили, особенно в начале военных действий, операции того типа, с которым должны были освоиться войска.

Однако, несмотря на всю изобретательность, проявленную главным командованием в отношении удовлетворения требований, возникших в процессе сражения, в середине весны 1918 г. общая обстановка для союзных армий во Франции ставила основную задачу — задачу увеличения численности живой силы.